

Шепот горьких трав

Автор:

Ольга Володарская

Шепот горьких трав

Ольга Геннадьевна Володарская

Никаких запретных тем. Остросюжетная проза О. Володарской

Екатерина Могилева когда-то была популярной певицей. Ее не только любила простая публика, которая отплясывала на дискотеках под ее главный хит «Дуся-лапуся», но и профессионалы уважали. И все же Катя покинула сцену, когда вышла замуж за Арарата Аникяна, молодого, но очень успешного бизнесмена. Он мечтал о детях, и Катя готова была подарить ему их... Но не получилось, и муж ушел. Замок, который он построил, потому что с детства о нем мечтал, Арарат оставил своей бывшей супруге и продолжал регулярно навещать ее там...

Катю все устраивало до тех пор, пока она не влюбилась и не захотела разорвать отношения с экс-мужем. Однако Арарат не готов был отпустить свою Дуся-лапусю и заявился на званый ужин, что она устроила в честь своего жениха. А во время него произошло убийство, изменившее жизнь многих...

Ольга Володарская

Шепот горьких трав

Пролог

Весь день шел дождь, а к ночи закончился. Небо прояснилось, и на нем взошла полная луна.

Она висела над головой того, кто только что стал убийцей...

Осознание, что он недавно лишил жизни другого человека, до дрожи пугало. Особенно страшили последствия этого действия. А луна как будто светила именно на него, как прожектор, указывающий на преступника. Кругом люди. И они могут понять, что это он виновник беды.

Завыла собака. Протяжно и тоскливо. Почувствовала смерть.

Убийца поежился. Все это взаправду? Ему не снится? Картинка, что стояла перед глазами, была сюрреалистичной. Ночь, мрачный сад, готический замок... В нем – труп. Еще не хладный, но уже остывающий. А он убийца в ожидании возмездия...

Часть первая

До того, как...

Глава 1

Она не любила свой дом...

Нет, замок! Огромный, мрачный, с башнями и крепостной стеной, только без рва, через который перекидывается мост. Вместо этих пережитков прошлого два КПП, оснащенных передовой техникой. Первый пропускной пункт преодолеть легко. Главное, пройти металлоискатель. Между ним и замком красивые сады, в них допускаются все желающие. «Крестьянам» нравилось гулять по ним, и «баре» не были против этого. Дальше – сложнее. Без разрешения хозяев и подтверждения личности вход за стену заказан.

Дом воздвиг муж Кати Арарат Аникян. А сады разбила она. Не только для себя – для всех. Она привыкла делиться с массами своим вдохновением.

Екатерина Могилева была певицей. В свое время очень и очень популярной. На разломе миров, когда Советский Союз разрушился, а Новая Россия еще не сформировалась, она заняла трон королевы поп-сцены. Свергла старых богинь, а новым не дала шанса с ней посоперничать. На тот момент она уже была не юной, но все еще дерзкой. Экспериментировала со стилем: и музыкальным, и вокальным, и внешним. Брала чуть ли не панковский материал, мелодично его перепевала, выходила на сцену в авангардных образах, и публика принимала ее на ура. А ведь начинала она с народных песен. Выступала в сарафанчике и венке из ромашек в передаче «Шире круг». Тогда ей было двадцать. А прославилась Катя в тридцать два благодаря песне «Дуся-лапуся». Казалось бы, хуже не придумаешь. Примитивные слова и мотивчик. И Катя в клипе выглядела полной дурочкой... Дусей-лапусей.

Но пипл схавал!

Катя пела всякую ерунду еще год. А потом сменила стиль, и его приняли. Страна полюбила ее безоговорочно. Как когда-то Примадонну всея СССР. Та, естественно, взревновала, попыталась Могилевой перекрыть кислород, но не вышло. Примадонна хоть и оставалась в авторитете, но утратила свое влияние. И Катенька блистала еще долго. Пока сама не захотела уйти в тень.

Ей было тридцать восемь, когда на горизонте появился Арарат. Он был некрасив, но харизматичен. Его нисколько не портили ни огромный нос, ни монобровь, ни короткие кривые ноги. Выразительные карие глаза, открытая улыбка, безупречные кисти... Чувство стиля, щедрость, обаяние... Недюжинный ум в сочетании с легкостью в общении – все это делало Арарата душой мужской компании и объектом женского вожделения. Его хотели многие дамы, в том числе известные, а он выбрал Катерину. Она была старше его на шесть лет. Выше на десять сантиметров. Беднее раз в сто. Могилева колесила по России с концертами, выступала на корпоративах, в рекламе снималась, но так как жила на широкую ногу, а копить не умела, то капитала не сколотила. Плюс ее последние два года обирал любовник, которого она сделала своим директором. А Арарат Аникян был совладельцем успешного холдинга. Имел весомые счета в различных банках, три дома, два из которых на берегах морей, Черного и Средиземного, и пусть небольшую, но белоснежную яхту. И это в тридцать два года.

Они познакомились на корпоративе. Холдинг Арарата отмечал Новый год. Естественно, по-армянски, на широкую ногу. Было приглашено много артистов, в том числе Катерина Могилева. Она думала, что станет главной звездой вечера, но оказалось, ей досталась роль «разогревающей». Шли иллюзионисты, юмористы, какая-то девчачья группа, за ней уважаемый шансонье, потом Катя, а за ней... Похожий на обгорелую пальму американский рэпер (и воняло от него жженой листвой), который стал знаменит благодаря лишь двум песням. Зато на весь мир! Катя, когда узнала, перед кем выступает, закрылась в гримерке и категорически отказалась выходить на сцену. Ее уговаривали все – и поп-девочки, и директор, и даже пальма-репер что-то лепетал, перемежая понятные английские слова со странными звуками типа «йоу» и хихиканьем, но лишь Арарату удалось до Катерины достучаться.

Когда он только зашел, она подумала: «Фу». Увидела все недостатки: низкий рост, ноги колесом, огромный нос. Ее только брови не смутили. Нравились такие густые, пусть и сросшиеся. Но остальное...

И тут Арарат улыбнулся. Катя опешила. Только что перед ней стоял урод, а теперь – вполне привлекательный мужчина. Да, его нос похож на клюв какаду и чуть ли не касается кончиком верхней губы, но... Эта губа такая трепетная... А нижняя волевая, но не суровая, с ямочкой.

Аникян подошел к Кате, присел рядом, взял ее руку в свою. Рука у него была теплая и мягкая. А какая красивая! Идеально ровные длинные пальцы, аккуратная ногтевая пластина. В кисти его Катерина влюбилась. Не в глаза и улыбку. Они ей только понравились. Но эти руки...

Как потом оказалось, Арарат не был поклонником Могилевой. Не он ее «заказал», а партнер. И то не для себя, для жены. А оба босса собирались развлечься ночью с девочками из поп-группы. И те были не против, но Аникян променял готовую на всё двадцатилетнюю сосочку с умопомрачительным бюстом и осиной талией на Катю. А она и пообтрепалась немного с возрастом, и располнела, пусть и не критично, и на скорый секс с ней можно было не рассчитывать. Могилева даже среди артисток ее поколения слыла недотрогой. Те спали с известными композиторами или телевизионным начальством, а если не получалось заарканить шишку, могли ради эфира и ассистенту режиссера дать, но она – никогда. Хотя покровителей не имела. Но как-то везло. И «Дуся-лапуса» к ней случайно попала. А клип на песню сняли на

полупрофессиональную камеру. Никто не верил в ее успех, но все получилось, и Катя, как говорится, проснулась знаменитой. Пусть не на следующий день, а спустя пару месяцев.

Арарат полюбил ее первым. Она же откликнулась на его чувство. Но противилась ему долго. Аникян молодой богатый повеса – это раз. Не творческой профессии – два. Три – он армянин. Последнее было важно, поскольку Арарат звал Катю замуж, а она очень сомневалась в том, что его любящая семья даст добро на это. Она русская, но это полбеды. Она старая и к тому же из шоу-бизнеса. Не лучшая партия. То есть получался замкнутый круг.

И все же они поженились. Да, родители Арарата не сразу приняли Катерину. Мама так до конца этого и не сделала, но не стала ставить сыну ультиматумов. Она затаилась, дав ему возможность самому разочароваться в жене. Была уверена в том, что это случится совсем скоро. Не верила драгоценная Камилла Ашотовна в то, что Дуся-лапуся Могилева уйдет со сцены и посвятит себя семье. Но Катя именно так и сделала...

Ушла и посвятила!

Катя очень хотела родить. И трижды беременела. Но ни одного ребенка не выносила. Первый выкидыш случился на раннем сроке, и если и расстроил молодых, то не сильно. Второй заставил задуматься. А третья беременность вынудила принять серьезные меры. Катя почти не вставала с кровати и была под постоянным наблюдением врачей, но увы... На четвертом месяце случился очередной выкидыш. За ним последовали осложнения. Больше Катя не беременела.

Камилла Ашотовна все эти годы терпела невестку. Была с ней вежливой, участливой, даже временами ласковой. Она по-женски сочувствовала Катерине, но сына своего жалела и безмерно любила. Почему он должен страдать из-за того, что супруга бесплодна? Он что, взял ее девственницей? Засватал юную и невинную? Нет, женился на взрослой женщине с богатым прошлым, в котором еще и аборт были. Катя не рассказывала об этом свекрови, но та все узнала от ее гинеколога.

Когда стало очевидно, что Дуся-лапуся не подарит Камилле Ашотовне внука, та начала действовать. Сначала она просто промывала сыну мозг, потом стала как

бы невзначай знакомить с «приличными» девушками, и не только армянскими, были и грузинки, и еврейки, и русские, и даже одна шведка. Все были молоды, хороши собой, воспитаны, образованны, но Арарат, хоть и был учтив с каждой, ни с одной не пожелал продолжить общения. Тогда Камилла Ашотовна пустила в ход тяжелую артиллерию. Она разыскала первую и самую большую любовь сына – татарочку Розу. Они вместе учились в старших классах, затем в институте. Пять лет были неразлучными. Хотели пожениться. Но не позволили родители. И армянские, и татарские. Говорили, рано. Жить вне брака тоже запретили. Велели ждать хотя бы окончания института. То есть еще два года. А у Арарата уже не было сил сдерживать свои природные инстинкты. Он молодой, горячий, и у него уже был опыт, пусть небольшой. А Роза невинная, и до регистрации брака она половую жизнь начинать не собиралась. Была традиционно воспитана. И Арарат не выдержал – загулял. Но двадцатилетнему парню не хватило ума скрыть это, а его ровесница Роза не смогла сделать вид, что не заметила. Измены она не простила. И они расстались.

Арарат год наслаждался свободой. Уже намеренно показывался то с одной, то с другой. Много тусовался, пил. Худо-бедно сдавал сессии. А Роза вела себя привычно. Была все той же скромной и прилежной. Только похудела сильно. От милых щечек и следа не осталось. Обострились шикарные татарские скулы, подбородок стал острым, черные глаза как-то по-особому засверкали. Не сказать, что похорошела, поскольку небольшая полнота очень шла ей, но стала другой, более дерзкой, хищной. Роза начала привлекать к себе внимание не только талантами, умом, характером, но и внешностью. Не миловидной – эффектной. И родители поспешили выдать ее замуж. Не сказать, что против воли Роза стала законной супругой достойного, но нелюбимого мужчины, скорее по настоятельному убеждению. Ей внушили, что не найдется лучшей партии. И Роза не стала возражать. Да, ее Рустам прекрасен во всех отношениях. А что сердце все стонет и плачет по Арарату, не имеет значения. Пройдет первая любовь. Останется лишь приятным воспоминанием.

Когда Арарат узнал о том, что Роза вышла замуж, некоторое время хорохорился. Всех убеждал в том, что чувства давно прошли и ничего, кроме радости за нее, он не испытывает. Но на вечере, устроенном по случаю получения дипломов, он, чуть хмельной, утащил Розу в укромный уголок и признался ей в любви. И она ответила ему. Не словами – поступком. Тогда она впервые ему отдалась. И это было великолепно! А после они гуляли, целовались, тискались, обменивались нежностями. Арарат думал, все, на этом закончилась разлука. Роза разведется, они поженятся и заживут долго и счастливо. Но увы...

Первая любовь Арарата уехала с мужем за границу. Вскоре родила дочь. Вернулась спустя годы, но без Рустама. Об этом стало известно Камилле Ашотовне, и она разыскала ту, которую по недалёковидности своей когда-то считала недостойной сына. Но Роза совершенно точно лучше Дуси-лапуси. Даже то, что у нее есть ребенок, не минус, а плюс, значит, плодovitа.

И двое людей, безумно влюбленных друг в друга по молодости, встретились. Искра вспыхнула вновь. Но Арарат пылал уже не так, как когда-то. Наверное, не мог забыть того, что, когда он был готов на все ради Розы, она пожелала остаться с мужем.

Они встречались несколько месяцев. Даже жили вместе. Но очень недолго. Арарат сообщил Кате о том, что уходит, и переехал к пассии, но... Он взял один чемодан. А сколько всего осталось в их замке! В том числе ретромашины. Арарат собирал старые советские тачки. Дорожил ими. Но уехал на обычном «крузаке». Провожая его взглядом, Катя пробормотала:

- Он улетел, но обещал вернуться...

Эта фраза из советского мультика о Карлсоне как нельзя лучше подходила под ситуацию.

И Арарат не заставил себя долго ждать.

- Если не примешь назад, пойму, - выдал он, появившись у порога через полтора месяца. - Но я умоляю тебя, прости... Я, похоже, без тебя не могу!

И он не врал. Без Кати Арарат на самом деле будто бы чах. Она была стопроцентно его человеком. Даже когда он нашел ту, с которой все получилось, в том числе дети, бывшие супруги до конца не расстались. Они продолжали свою совместную историю, пусть и по-новому. Любовь никуда не делась, но приобрела другие формы. Арарат искал убежища в замке, который возвел для себя, но от которого избавился бы, если бы не Катерина. Поэтому и оставил его бывшей жене. И платил по счетам, потому что его Дуся-лапуся продала бы владения, так как не имела возможности их содержать. Да и не нравился ей их замок. Небольшой коттедж или просторная квартира устроили бы ее больше. Арарат и Катя как будто сконцентрировали свою привязанность друг к другу, любовь (пусть уже и не страстную), воспоминания и поместили их в ларец.

Большой... Гигантский даже. И он принял форму замка.

Катя не любила само строение. Как и вспомогательные сооружения, в том числе оригинальные и безусловно красивые готические беседки. А разбитый ею сад ей очень нравился. И вид на него с одной из башен. В ней она и жила, расширив окна и наполнив апартаменты светом.

Арарат навещал Катю часто. Все свободное от работы и новой семьи время проводил с ней. Иногда они занимались сексом, но больше гуляли по парку (тогда он закрывался для посетителей), сидели у огромного камина и под армянский коньяк вели разговоры обо всем и ни о чем, а могли просто молчать, не чувствуя неловкости. И все было гладко, пока у Кати не появлялся кто-то. Хоть она и не приглашала мужчин к себе, Арарат узнавал о них и устраивал скандалы. Живя с другой женщиной, он продолжал бешено ревновать бывшую. Из-за этого они ругались так, что на пике скандала люто ненавидели друг друга. Но неизменно мирились. Всегда по инициативе Арарата. Узнав, что у Екатерины закончились шуры-муры (он по-другому ее отношения не называл), Арарат приезжал с цветами и подарками, чтобы попросить прощения. И она не просто таяла, а находила утешение в объятиях бывшего супруга. Он оказывался на голову выше всех тех, с кем Катя пыталась построить отношения. Не физически, нет, ее тянуло к высоким, мощным, но они по сути оказывались настоящими лилипутами.

И все же Екатерина не теряла надежды. Она упрямо продолжала верить, что ей встретится тот, кто окажется во всех смыслах великаном. Хотелось мужчину, который будет принадлежать ей целиком. И чудо свершилось...

Как-то на отдыхе она познакомилась с хозяином сыроварни. Случайно. Катя много раз бывала в Хорватии, но предпочитала проводить время на пляже, а после заходить в рыбный ресторанчик и лакомиться морепродуктами. Но тот август выдался дождливым, и она решила покататься по стране на взятой в аренду машине. При ней был паренек, очаровательный албанец, годящийся ей в сыновья. Он прицепился к ней на рынке, где торговал настойками, и Катя решила ни в чем ему и себе не отказывать. Отдалась тем же вечером и продолжала использовать по назначению. Парень этому был несказанно рад. А в свой выходной согласился сопровождать Катю в поездке по окрестностям. Он же предложил заехать на сыроварню. Ею владел суровый мужчина по имени Игорь. Серб с частичкой итальянской крови. Высокий, крепкий, седовласый, он сразу привлек Катю внимание. Не сказать, что красивый, но безусловно колоритный.

Игорь отлично говорил по-русски, как многие, росшие в Югославии, еще по-итальянски и по-английски (сербский и хорватский тоже знал, что естественно), был вдовцом, чьи дети выросли и разъехались. Старшая дочка уже подарила ему внука. Игорь был старше Кати. Лет на пять, и все же. Она давно не имела близких контактов даже с ровесниками, все мужчины были ее младше. И Катерине вдруг захотелось иметь рядом с собой зрелого человека. Но не абы какого, а как Игорь, молчаливого, серьезного, основательного.

Они обнялись на прощание. Коротко. Но этого трехсекундного контакта Кате хватило, чтобы понять, Игорь ТОТ САМЫЙ мужчина, которого она все эти годы ждала.

Поэтому уже на следующий день она позвонила ему, благо Игорь оставил визитку. Катя приехала к нему уже без юного любовника, о котором и думать забыла. Теперь никто не мешал им. Они ели сыр и пили сухое вино, гуляли, общались. Катя чувствовала ответную симпатию и ждала, когда Игорь пойдет на сближение. Не просто возьмет под локоток, чтобы помочь ей спуститься с пригорка, а обнимет, поцелует. Не дети уже, чтобы за ручку ходить. Но сыровар вел себя с ней крайне сдержанно. Тогда Катя решила сама действовать. Она напросилась на ночлег, сказала, хочет посмотреть рассвет. Игорь выделил ей не просто отдельную комнату – целое крыло. И Катя ночью бежала босая через все здание к нему, дрожа от холода и волнения. Она боялась, что ей откажут. Впервые за долгие годы. Когда она отыскала спальню Игоря, то тряслась как заяц.

– Что случилось? – переполошился тот, увидев на пороге дрожащую Катю. – Вас кто-то напугал?

– Нет. Но мне страшно одной... И холодно.

Игорь молча отодвинул край одеяла, приглашая ее к себе на ложе.

...С той ночи началась их любовь. Сильная, но сдержанная, как сам Игорь. Он не осыпал Катю признаниями и комплиментами, не заваливал подарками, не приносил завтрак в постель. Когда она просыпалась, Игорь уже трудился на своем производстве. Днем он тоже был занят, и они даже не всегда вместе обедали. Но все вечера были их. И ночи! Правда, Игорь рано засыпал, но Кате нравилось просто лежать рядом, ощущая его тепло. Она читала, смотрела

фильмы в наушниках, раскладывала пасьянсы. Как-то ночью она решила прогуляться по двору. Не спалось, а погода стояла дивная. Катя немного походила, потом села под раскидистое дерево, прямо на траву, мягкую, ароматную. Ей было хорошо, но и немного грустно из-за сомнений. Что, если ей только кажется, будто ее любят? В своих чувствах она была уверена, но вдруг она ошибается насчет Игоря и ему с ней просто приятно и удобно? Симпатичная чужестранка, ничего не требующая, но всегда готовая к жарким объятиям, это ли не подарок одинокому вдовцу, живущему в глуши? Или ему льстит внимание пусть и потухшей, но все же звезды? Она не говорила ему о своем блестящем прошлом, но он мог видеть ее по югославскому телевидению, транслировавшему советские передачи...

Ее так затянуло в водоворот сомнений, что Катя ничего не слышала и не видела. А меж тем Игорь, не найдя ее рядом, отправился на поиски. Сначала он бродил по дому, окликая ее, потом выбежал в сад. Но и там ее не было! Точнее, она была, сидела под деревом, но он ее не заметил. И испугался...

– Я думал, ты от меня сбежала, – выдохнул он, когда, чуть не отдавив ей руку, опустился рядом и крепко-крепко обнял.

– Просто вышла подышать, – улыбнулась ему Катя.

– А я испугался... – И ТАК посмотрел, что все сомнения отпали.

Они вернулись в дом, легли. Игорь тут же погрузился в сон, а Катя в думы. Нужно было решать, как жить дальше. Она давно должна была вернуться домой, но уже задержалась на три недели, чем вызвала недоумение Арарата. Он ждал ее в конце августа, а уже сентябрь на излете. Что можно делать одной в чужой стране больше месяца? Красотами любоваться? Да за такое время всю Хорватию пешком обойдешь. Катя успокаивала его враньем. Сначала говорила, что ездит по монастырям (в одном на самом деле была, и его фотографии ей очень пригодились как доказательства), потом на здоровье сослалась. Она жила настоящим, но мостик за собой оставляла – не сжигала. Ей до конца не верилось, что с Игорем что-то получится. Да и хочет ли он этого? А с Араратом они родные люди и у них есть дом-крепость.

С рассветом Катя приняла решение, после чего уснула. А за ужином сказала Игорю:

– Я хочу быть с тобой. Если наши желания совпадают, давай будем вместе. – Вот так, лаконично, без всяких сантиментов. В стиле Игоря.

– Мы и так вместе.

– Нет, сейчас я у тебя гощу.

– Так переезжай насовсем.

– И мы будем безвылазно сидеть тут?

– Ты считаешь меня диким горцем? – скупно улыбнулся Игорь. – Я много где бываю. Даже летаю на большой железной птице. Кажется, она самолетом называется.

Катя рассмеялась. Игорь впервые за этот месяц пошутил, и вполне удачно, как ей показалось.

– Мне нужно сесть на эту птицу, чтобы вернуться в Москву, – продолжила она. – Уладить кое-какие дела. Будешь меня ждать?

– Конечно.

– А если дела потребуют времени, прилетишь ко мне?

– Не раньше чем через три недели. До октября не могу отлучаться.

Не смогу без него столько времени, подумала Катя. Но вслух не сказала. Их любовь была без громких слов и демонстрации бурных эмоций. Первое время она проявляла их, но Игорь чувствовал себя неловко, не знал, как реагировать, и она уняла свой пыл.

– Ты летишь разводиться? – спросил Игорь, чем удивил ее. Он почти угадал.

– Я же говорила тебе, что сделала это давным-давно.

– Хорошо.

Все, больше он вопросов не задавал. А через два дня отвез ее в аэропорт.

Катя вернулась в Москву.

* * *

Разговор с Араратом не получился. Едва Катя начала его, бывший муж вскочил с кресла, швырнул бокал с коньяком в камин и заорал:

– Я так и знал!

– Успокойся, пожалуйста.

– Старая ты прошманда...

Он никогда не указывал ей на возраст. Но слабой на передок женщиной обзывал регулярно. Слова употреблял разные, в том числе матерные. Катя на них обижалась меньше всего. Ранил он ее другими:

– Кому ты нужна, кроме меня? Ты для них всех просто вещь, годная к употреблению.

Когда он бросал ей в лицо подобные слова, Катя начинала закипать, но в этот раз сдержалась.

– Сядь и дай мне закончить.

– Опять щенка помойного подобрала? Отмывать будешь, откармливать?

– Никогда так не делала, – не погрешила против истины Катя. Да, среди тех, с кем она встречалась последнее время, не было богачей, но голодранцев тоже.

– Да все эти мужики хотят не тебя, а моих денег.

- Игорь - нет.

- Не желаю знать его имени! - вышел из себя Арарат и пулей вылетел из зала.

На том разговор был закончен.

Увиделись бывшие супруги спустя неделю. Катя поймала Арарата в ресторане, где он обычно обедал. К ее удаче, он был один.

- Приятного аппетита, - сказала она, подсев к нему.

- Сказал бы спасибо, да ты его испортила, - отбросил вилку он. - Чего тебе надо, Катя?

- Поговорить спокойно. Тут, надеюсь, ты не будешь истерик закатывать? Как и убегать...

- Я думал, ты угомонилась. Но нет. Моя женушка все скачет.

- Бывшая, - напомнила Катя.

- О душе пора думать, а она все о письке своей. Мне говорит, по монастырям поехала, а сама из койки не вылезала целый месяц.

Вот и аукнулось Кате вранье. Арарата оно всегда задевало. Обманщики не любят быть обманутыми, а он был искусным лжецом. Первый ребенок у него родился, когда Катя еще была за ним замужем и знать не знала о параллельной жизни супруга. Камилла Ашотовна ей глаза открыла. Явилась в дом к снохе и потребовала у той развода. Арарат всем врал, в том числе ей, что Катя его не дает, поэтому он не может оформить отношения с матерью своей дочери.

- Я встретила мужчину, с которым хочу связать свою жизнь, - сказала Катерина. - У нас все серьезно. И я не могла об этом сообщать тебе по телефону. Мы не чужие люди.

- И кто он?

- Ты даже имени его не хотел слышать.

- Передумал. Так кто?

- Сыровар. Вдовец. Есть дети и внук.

- На старичков потянуло? Надо же.

- Он всего на четыре с половиной года меня старше.

Арарат молчал. И не смотрел на Катю. Уставился в тарелку, на которой горкой лежали листья салата вперемешку с креветками. Арарат поправился с возрастом и периодически пытался сбросить лишний вес. Правда, дольше двух недель на диетах не высиживал, срывался.

- Мы можем остаться с тобой друзьями? - спросила Катерина.

- Нет.

- Почему?

- Ты или со мной, или без меня.

- Арарат, у тебя семья. Позволь и мне обзавестись ею.

- Не позволяю! - И поднял на нее глаза, а в них бушевала ярость. - Я не дам тебе жизни. Все сделаю, чтобы испортить ее. Так и знай!

- Ты сейчас похож на отрицательного героя мексиканского сериала, - поморщилась Катя. - Не идет тебе эта роль. - Она встала из-за стола. - Когда остынешь, звони. Я пробуду в России до конца сентября.

- В моем доме?

- Он по документам мой. И я его продаю. Хочешь - покупай. Ты для себя его строил.

– Мне он не нужен. Как и никому больше. Ты не избавишься от этой недвижимости. А содержать не сможешь, потому что сегодня же я всех рассчитаю.

– Ты заплатил работникам аванс. Они обязаны доработать до конца месяца. Потом я их рассчитаю сама. Пока!

И покинула ресторан, затылком чувствуя тяжелый взгляд Арарата.

Он вел себя чудовищно. Угрожал, чего никогда ранее не делал. Но Катя и не думала, что будет легко.

...Прошло две недели. От Арарата звонков не было. Катя занималась делами, приводила в порядок свою внешность, копалась в саду. По нему она будет скучать. Да и по замку, пожалуй. Здесь ей порой было неуютно, но она всегда чувствовала себя защищенной.

Стоя в башне у большого окна, Катя осматривала владения – пока еще свои. Шел дождь, небо набрякло тучами. В такую мрачную погоду она раньше закрывала шторы, чтобы не видеть серости, которая ее угнетала. А сейчас ей нравилась эта картина: мокрая листва, подрагивающая поверхность пруда, влажный гравий дорожек, глыбы песчаника, сложенные в стену, за ней лес, мрачный, величественный, над ним свинцовое небо – такую смог бы написать Поль Сезан.

– Не хочешь отсюда уезжать? – услышала она голос за спиной и вздрогнула. Забыла, что в комнате не одна.

– Хочу. Мне никогда не нравился этот замок.

– Он красивый. Но создан не для тебя.

Игорь подошел сзади, обнял за плечи. Он прилетел утром, сорвался на три дня раньше планируемого срока. Соскучился! И даже признался в этом. Если так дело пойдет, Катя и трех заветных слов когда-нибудь дождетса.

– Арарат начал строительство еще до знакомства со мной. Он с детства бредил рыцарями. Читал все книги о них, фильмы смотрел. Другие пацаны с автоматами

да пистолетами носились, а он с луком или мечом. Еще мальчиком матери сказал: когда вырасту, построю себе замок.

- Тогда почему он оставил его тебе? – задал резонный вопрос Игорь.

Катя секунду думала над тем, как на него ответить. Правдиво не стоит. А врать не хочется. Решила дать нейтральный ответ:

- Наигрался.

В принципе, так оно и было. Арарату нравилось бывать в замке, но жить в нем постоянно он не мог и в хорошие для их брака времена. Хотя бы потому, что замок находился далеко от Москвы. Когда Арарат воплощал детскую мечту, об этом не думал.

В дверь постучали.

- Войдите! – крикнула Катя.

На пороге возник дворецкий Федор. Арарат упорно называл его Фердинандом.

- Екатерина Игоревна, прибыл повар с помощниками, – объявил дворецкий хорошо поставленным голосом. В молодости Федя работал диктором на радио. – Хочет с вами обсудить некоторые моменты.

- Скажи, что я буду через десять минут.

Фердинанд кивнул и вышел.

- Повар с помощниками? – переспросил Игорь.

- Я же говорила тебе, что пригласила на ужин нескольких друзей.

- Да, но я думал, мы скромно посидим, а ты прием устраиваешь.

– В роли феодала я доживаю последние деньки, хочу напоследок закатить пир! Тем более есть повод, ты приехал.

– Извини, я не захватил с собой парадные доспехи, – с серьезным лицом проговорил Игорь.

– Ты шутишь сейчас? Или тебе не нравится моя затея?

– Нравится. В честь меня еще пир не закатывали. Но я без фрака.

– Сойдут джинсы с рубашкой.

Катя развернулась лицом к Игорю, обвила его шею руками и заглянула в глаза. Они, как небо за окном, дымчато-серые. Лицо мужественное, с рублеными чертами. Густая щетина покрывает квадратный подбородок с ямкой. Катя мысленно примерила на Игоря доспехи, и они идеально подошли.

– А ты похож на рыцаря, – проговорила она мечтательно. – На Ричарда Львиное Сердце. Тебе подошел бы замок.

– Не смей меня. Я Игорь Козье Вымя. Фермер и сыровар. И мне не нужен замок. В детстве я пастухом мечтал быть.

Катя жарко поцеловала своего рыцаря – кем бы он себя ни считал, ей и Козье Вымя сойдет – и пошла переодеваться. Скоро придут гости, а она в халатике на голое тело.

Глава 2

Она с детства обожала дождь. Особенно нравилось ей засыпать под постукивание капель по крыше юрты. Жаль, в их краю осадки выпадали нечасто. Удушающе жаркое лето могло тянуться месяцами, и тогда трескалась земля, жухли немногочисленные растения, пересыхали колодцы, а люди чуть-чуть сходили с ума и отправлялись на поклон к шаманам, чтобы те вызвали дождь.

Дед Жени Айдман был баксы – с тюркского «шаман». И его дед. И дед его деда. Тот самому казахскому хану служил два десятка лет, пока не был казнен за то, что не смог излечить повелителя от смертельной болезни.

У Айдмана родилось трое сыновей и две дочери. Старший стал обучаться шаманизму, как в роду и положено. Средний и младший получили самые обычные профессии: один стал шофером, второй инженером связи. Дочки вышли замуж. Одна удачно. Уехала не только из их поселка, но и из Казахстана. А Жениной маме не повезло. Ее супруг оказался лентяем и пьяницей, и она ушла от него к родителям с двухлетней дочкой на руках.

Женя росла в странной обстановке. В юрте. Среди бубнов, посохов, плетей, погремушек, бочонков с сушеными травами, мешочков с камнями. Ее дед и дядя носили костюмы из кожи, головные уборы из перьев. Не всегда, конечно, но частенько. Они играли на кабызе, смычковом инструменте с двумя струнами из конского волоса, и звуки, что он издавал, не были похожи на музыку. Не удивительно, ведь они помогали общению с духами. Бабушка, мама и жена дяди не только вели хозяйство, они во всем помогали мужчинам. Первая травки собирала, костюмы чинила, вторая настойки изготавливала лечебные, третья была, можно сказать, администратором мужа и свекра. Она развозила их на «заказы» на старом, но бодром милицейском «уазике», вела финансовые дела.

У Жени было счастливое детство. Они жили дружно и честно. Дед Айдман не сделался клоуном с бубном, что ради наживы отправляется на гастроли по регионам, проводя групповые обряды в старых ДК, и сыну таким стать не позволил. За это его уважали не только в поселке, но и во всей округе. А вместе с Айдманом и его семью.

Женя гордилась родней (а деда просто обожала) и все же мечтала от нее отделиться. Не эмоционально, а физически. Уехать, как это сделала тетя. В далекий город, где живут в небоскребах, лечатся антибиотиками, передвигаются под землей на поездах метро... Туда, где высокие деревья, много зеленой травы и цветочных клумб, а дождь не просто капает – льет, и для того, чтобы его вызвать, не нужно бить в бубен и играть на кабызе...

В Россию. В Москву.

И в восемнадцать лет она туда отправилась, раньше не пустили, а далее удерживать не имели права. Конечно, с ней проводили беседы, пытались отговорить от опрометчивого шага, но не ставили ультиматумов – в их семье свобода воли почиталась. Спасибо деду Айдману за это. И за обряд благословения, обереги и двести долларов, что он выдал Жене «на дорожку».

Как раз две бумажки с изображением президента Франклина больше остального помогли. Если бы не они, Женю депортировали бы уже через две недели после приезда. Но доллары помогли получить временную регистрацию. Хотя, возможно, это духи предков, призванные защищать девушку, постарались, но без наличных долларов они бы вряд ли справились.

Отдав все, что у нее было, Женя вынуждена была устроиться на работу. Первую попавшуюся. Благо она не боялась трудностей и грязи. Посудомойкой и уборщицей? Без оформления? С поденной оплатой? Когда можно выходить?

Четыре месяца Женя терла тарелки и полы в японском ресторане. Потом ее повысили до официантки. Помогла азиатская внешность: для европеоидов все «узкоглазые» на одно лицо.

Эта работа ей нравилась. Не такая тяжелая и более денежная. Официальный оклад небольшой, но чаевые отличные. Женя получала их регулярно. Она была улыбочивой, контактной, стрессоустойчивой. И красивой, а это для официантки немаловажно. Невысокая, худенькая, с личиком куколки и пацанской стрижкой, она привлекала внимание и мужчин, и женщин. Женя нравилась и натуралам, и девушкам нетрадиционной ориентации, а кто приятен ей, она не определилась. Вроде бы тоже и те и другие, но она еще не любила... ни тех, ни других.

Их ресторан закрылся через полгода. И слава богам! Иначе Женя остановилась бы в развитии. Ее устраивали работа, квартира, которую она делила с двумя друзьями, и образ жизни: размеренный, даже скучный. Получалось, что она уехала из Казахстана, чтобы жить примерно так же, как там, только в иной географической точке. Опять много людей в одном помещении, но это уже не кровные родственники, а те, с кем судьба свела, труд на чье-то благо, в свободное время чтение книг и просмотр любимых фильмов. Да, есть бонус – это климат. Тот, который ей по нраву. Но не для того Женя уезжала, чтобы наслаждаться одним лишь дождем. Она хотела найти себя, но пока не получалось. Духи предков в этом не помогали.

Когда ресторан закрылся, ее друзья нашли работу в той же сфере общепита. Один так и работал официантом, второй стал барменом, окончив курсы. А Женя решила взять паузу, чтобы оглянуться вокруг. На первое время деньги были, и она дала себе возможность выдохнуть. Три месяца ничего не делать, просто жить. Как раз наступило лето. Дождливое, как она любила. Другие прятались от осадков, не выходили без надобности из дома. А Женя, напротив, гуляла с удовольствием. Особенно любила сидеть у водоемов. Носила с собой зонт и надувную подушку. Ее на лавку, его – над головой. Тебе сухо, хорошо. Капли барабанят по крыше из нейлона. Ты чувствуешь запах свежести и мокрой земли, не пустынной, безжизненной, а темной, плодородной, в нее плюнь семечко – прорастет. А перед глазами гладь реки. И вода в ней подвижная, дерзкая, по ней так и хочется скользить...

Именно эта мысль подтолкнула Женю к действиям. Из-за дурацкой погоды речные прогулки спросом не пользовались, и на билеты объявили скидки. Из кассы доносились объявления о поездке по триста рублей, тогда как обычно билет стоил пятьсот. И Женя решила прокатиться. Заскользить по дерзкой водной глади. Кораблик отправлялся через пять минут. Она вскочила на борт последней. И, едва ступив на палубу, поняла – вот ОНО! Что именно, не ясно. Но стало вдруг так расслабленно-хорошо, будто она снова оказалась в утробе матери. Дед говорил, что в такие моменты нужно замирать и вслушиваться не только в себя, но и во вселенную. И будет знак. Женя сделала так, как велел Айдман. Меньше чем через минуту до ее уха донесся звук гудка. Это теплоход, отчаливая, подавал сигнал.

«Я хочу стать рулевым матросом на речном судне! – пронеслось в голове Жени. – Нести утреннюю и ночную вахту. Стоять у штурвала в те минуты, когда зарождается день, а солнце сонно, лениво выбирается из-за горизонта, и наслаждаться тихими послезакатными часами...»

Прогулка на кораблике длилась два часа. И все это время Женя представляла свое будущее. И оно ей нравилось. Трудности, как всегда, не пугали. Те сложности, с которыми она столкнулась при поступлении в речное училище, а по-новому – колледж при Академии водного транспорта, были ожидаемы. Она думала, что станет единственной девочкой на курсе, но нет. Их было трое, и Женя оказалась отстающей. Две другие девушки выросли в семьях судоводителей. Считай, продолжали династию. Обе половину жизни провели на воде. И за штурвалом стояли, пусть и под отцовским присмотром. И только Женя была так далека от речного пароходства, что ее дразнили Учкудуком. Кличку

дал препод. Вспомнил песню из своей молодости в исполнении группы «Ялла» и проассоциировал Женю с пустыней. Думал, она не сможет адаптироваться. По учебе подтянется, это не так сложно. Но когда летом практика начнется, не впишется в реалии. Речные круизы весьма специфичны и разочаровывают не только туристов, но и обслуживающий персонал. В них, безусловно, есть романтика, но она меркнет на фоне бытовых трудностей. Сокурсниц Жени на практику взяли отцы на свои суда. А она с пацанами отправилась куда послали. Жила в трюме рядом с машинным отделением. В жаре, духоте. За штурвал вставала на несколько минут, в остальное время драила палубу наравне с парнями, разгружала продукты. Если кухня не успевала, чистила картошку и соскребала нагар с чанов. Терпела домогательства матросов и снисходительное отношение командного состава.

Как это ни странно, только она из всего женского состава окончила колледж. Одна из ее однокурсниц перевелась в институт, чтобы стать мореходом, вторая во время первой практики познакомилась с хорошим парнем и вышла за него замуж.

Получив свои корочки, Женя устроилась на судно, носящее имя «Витязь». Ходило оно только до Костромы, и это Женю не устраивало. Хотелось отправиться в дальнее плавание. Но она решила отработать навигацию, чтобы набраться опыта.

На следующий год ее взяли на трехпалубник, ходящий до Астрахани. Шикарное судно, куда даже горничной устроиться – большая удача. Женя же получила место кухонного работника, но с перспективой занять место рулевого. Тот, кого она могла бы заменить, был запойным и держался на своем месте только из-за того, что был женат на дочке старпома.

В ту навигацию она постояла за штурвалом пару раз. Подменяла пьяницу. Но остальное время проводила на кухне. Ее, хорошенькую, стройную, энергичную, хотели перевести в зал, но снова становиться официанткой Женя не собиралась. Опять засосет. А еще она многому училась у шеф-повара Аббаса. Огромный волосатый азербайджанец, он ассоциировался с шашлыком и люля. Его легко можно было представить рядом с мангалом, но никак не колдующим над воздушным десертом. Но Аббас мог приготовить любое блюдо. Ему одинаково хорошо давались и сытные супы из дешевых продуктов для команды, и изысканные закуски на зубок, что подавались на фуршетах туристам из люксов. Все блюда, приготовленные Аббасом, были коронными. Он как будто чувствовал

продукты. И сочетал несочетаемое так, что получалась гармония вкуса. Ни разу он не переварил, не пересолил. А если кто-то из подчиненных поваров допускал такое, гнал с кухни. А испорченное блюдо не подавал. Стыдился. «Ты лучше голодай, чем что попало есть!» – орал он на тех, кто был недоволен тем, что комплексный обед состоит не из трех блюд, как положено, а лишь из двух.

Аббаса все считали чокнутым. В том числе начальство. А держали потому, что он такие банкеты для руководства пароходства устраивал, что все пищали от восторга. Женя проработала с ним пять месяцев и за все это время не услышала в свой адрес ни одного доброго слова. Однако осенью, когда закончилась навигация, именно Аббас предложил ей поработать с ним. Он решил открыть ресторан авторской кухни, нужны были помощники. Женя согласилась ассистировать Аббасу. Все равно до мая работы не будет. Не знала она тогда, что больше не вернется на теплоход. Нашла себя не на реке, а на кухне...

– Госпожа Сабирова, вы слышите меня? – донеслось до нее.

– Да, да, – поспешно откликнулась Женя и оторвала взгляд от окна, за которым шел заморозивший ее дождь. – Вы сказали, что хозяйка скоро будет. – Она развернулась лицом к красивому дворецкому средних лет.

– Через десять минут. Я могу еще вам чем-нибудь помочь?

– Пришлите уборщицу в кухню, пожалуйста. Там уже идет заготовка продуктов, и мусорные ведра почти полны.

Он кивнул и удалился. А Женя уселась во главе длинного стола, за которым будет проходить ужин. Его уже накрыли скатертью, но пока не сервировали. Интересно, какой будет посуда? Думалось, что под стать окружающей обстановке: массивной, дорогой, с позолотой. В общем, замковой. Пища, которую Женя приготовит, ей не соответствует. Она требует легкости в подаче. Чистобелых тарелок, изящных серебряных вилок, прозрачного стекла бокалов. Блюда, заказанные госпожой Могилевой, созданы для открытых террас, пронизанных солнцем, верхних палуб яхт, шатров из трепещущего на ветру шелка. А эта мрачная зала с камином, в котором можно зажарить целого быка, уставленная массивной дубовой мебелью и старинными доспехами, так и требует мяса с кровью, дичи, запеченных целиком овощей, крепкого вина в кованых чарках. Женя могла приготовить и это. Она была поваром-универсалом. Но заказчица

пожелала белой рыбы, кальмаров, гребешков и морских ежей. А еще фирменного десерта из безе, лимонного желе и засахаренных лепестков роз. С ним Женя выиграла престижнейший кулинарный конкурс во Франции. Но это было давно... Хоть и недавно.

Можно сказать, в прошлой жизни.

Женя встала, потому что увидела спускающуюся по лестнице женщину. Хозяйка замка, госпожа Могилева. Она же Дуся-лапуся.

С удивлением Женя отметила, что волнуется перед личным знакомством с этой дамой. Да, когда-то она была поклонницей Катерины, скупала кассеты с ее песнями, плакаты с изображениями, прилипла к экрану телевизора, едва на нем появлялась Могилева, но сколько воды утекло с тех пор. Тогда Женя была студенткой, а теперь она взрослая женщина, состоявшаяся личность...

- Евгения Айратовна, добрый день, - поздоровалась Катерина. - Как добрались до нашей глуши?

- Хорошо, спасибо. И можно просто Женя.

- Тогда Евгения. Меня можете тоже по имени называть.

Могилева что-то еще говорила, но Женя не особо слушала. Она смотрела.

В молодости Катерина была прехорошенькой, но простенькой. Еще и очень худенькой. Эдакий хрупкий полевой цветочек. Она и выступала тогда в веночке из ромашек. Но чем старше становилась, тем больше хорошела. К двадцати пяти годам стала настоящей красоткой с округлыми формами и точеными ногами. Ей шел любой наряд, от классического платья в пол до авангардных штанов и простой майки. После тридцати начала молодиться, и в клипе «Дуся-лапуся» корчила из себя юную дурочку, кривлялась и оголяла больше, чем нужно. И все равно была хороша. Но годы брали свое. К сорока годам Могилева обабилась, стала тяжеловатой, подуставшей тетенькой, исполняющей не свой репертуар. Какая же это Дуся-лапуся? Тетя-мотя скорее.

Женя даже обрадовалась тому, что Могилева завершила сольную карьеру. Не очень приятно видеть, как твой кумир становится посмешищем. А еще Жене нравилось то, что Могилева ушла целиком. Никаких концертов, съемок в ток-шоу, интервью – любых напоминаний о себе. Когда у Екатерины был полувековой юбилей, журналисты попытались до нее добраться, но она засела в своем замке и не пожелала ни с кем из них встречаться. Многие решили, что Дуся-лапуся спилась. Или болеет чем-то неизлечимым. Но Женя знала: экс-звезда трезва и здорова, ей говорили об этом люди, близко ее знающие. И она сделала единственный, как ей казалось, правильный вывод: Могилева сильно подурнела, расплылась и не хочет, чтобы ее такой видели. Желает для всех остаться дерзкой Дусей-лапусей с выпрыгивающими из лифчика титечками.

Но женщина, что стояла сейчас перед ней, выглядела просто невероятно. Высокая, стройная, одетая в простые черные джинсы и футболку такого же цвета, усыпанную матово блестящими черепушками, блондинка не походила на Катерину Могилеву вообще. Та носила длинные волосы, в юности косу до пояса, в зрелости каре до плеч. У этой на голове был ежик. Точнее, коротко стриженный барашек. Оказывается, Катерина выпрямляла свои кучерявые волосы. Но никогда радикально не красила. Придавала оттенки природным темно-русым волосам. А сейчас они платиновые...

– Женя, вы почему на меня так смотрите? – спросила госпожа Могилева.

– Как? – тупо переспросила та.

– Как на привидение, – хмыкнула Катерина. – Но я вас уверяю, в моем замке они не водятся.

– Простите... – Жене стало стыдно за свое поведение. Уставилась, дура, смутила заказчицу. – Просто вы так изменились... Я не сразу узнала... – Дура еще раз! Что за лепет?

– Старею, что поделать.

– Нет, вы, наоборот, как будто помолодели. И вам очень идет новый цвет волос. Как вы решились на такое радикальное преображение?

– Это за меня природа сделала. Я абсолютно седая, и в платиновый легче краситься.

А с лицом что? Пластика? Не похоже. Просто уколы и правильный уход? Благотворно влияющий на весь организм свежий деревенский воздух и ровный южный загар? Правильный макияж? Нет, что-то еще...

Любовь. Только она делает женщину по-настоящему прекрасной. Она, а не косметологи и визажисты. Женя это знала точно. Сама, напитанная любовью, будто светилась изнутри и хорошела до невозможности. Когда-то давно, хоть и недавно...

Считай, в прошлой жизни.

– Что вы хотели обсудить со мной? – обратилась к Жене госпожа Могилева.

– Во-первых, сервировку.

– Ею займутся.

– Мне нужно понять, как оформлять блюда. И тут посуда важна.

– Ясно. А во-вторых?

– Узнать, есть ли у кого-нибудь из гостей аллергия на какие-то продукты.

– Мы договаривались, что несколько блюд будут вегетарианскими.

– Да. В один из салатов идет орех, а это аллерген. Или тот же цитрус. А десерт с лимоном.

– Делайте как положено. А посуду и приборы сейчас принесут. Если появятся еще какие-то вопросы, обращайтесь к домоправительнице, она занимается ужином. – И, коротко улыбнувшись, добавила: – Я всего лишь за все плачу.

Женя кивнула. Она и не стала бы просить встречи с заказчиком, если бы им был кто-то другой, а не Екатерина Могилева, кумир ее юности. Все решается через помощников. Есть, конечно, такие хозяйки, что суют свой нос во все: и в ящики с привезенными продуктами, и в кастрюли, и в сумки поваров, чтобы проверить, не утащили ли чего, но Женя на таких не работает. И это притом что ее давно не рвут на части, а долгов у нее выше крыши.

Заказчица удалилась. Женя проводила ее взглядом и только потом отправилась в кухню, где ее заждались. Невероятная женщина Могилева Екатерина. Арарат Аникян дурак, раз упустил ее.

Глава 3

Туся стояла перед огромным, от пола до потолка, зеркалом в золоченой раме и любовалась собой. Какое платье на ней сегодня красивое, а головной убор... И вообще она как-то особенно прелестна сейчас: мила и трогательна. Возможно, из-за волнения, что окрасило ее обычно бледные щеки румянцем. Да и забранные в высокую прическу волосы ей идут. Вытягивают круглое личико.

Девушка покружилась. Низ платья встал колоколом, а из-под подола выглянула кокетливая белая оборка подъюбника. Туся решила сфотографировать себя и в движении, и статично. Сделать столько кадров, сколько получится. А если время позволит, то и видео записать. Она достала телефон, включила камеру и встала в позу, но не успела нажать на кнопку, как дверь, подобная зеркалу, огромная и золоченая, распахнулась. На пороге возникла женщина с сухим лицом и черными с проседью волосами.

Бастинда!

А если по паспорту, то Барбара Леопольдовна Михельсон.

– Наталья, как вы посмели послушаться меня? – воскликнула она, стремительно войдя в комнату. – Я строго-настрого запретила приносить в дом мобильный телефон!

– Извините, – пролепетала Туся. Она робела перед Бастиндой так, будто та на самом деле была злой колдуньей.

– Вам велено было оставить его в раздевалке.

– Я машинально сунула его в карман.

Барбара Леопольдовна, сурово сомкнув брови, густые и довольно красивые, вырвала из рук Туся телефон.

– Успели что-то снять? – спросила она.

– Нет.

– Я проверю. И если вы меня обманули, пеняйте на себя.

– Да вы сами посмотрите в галерее.

Но Михельсон, судя по всему, не понимала, как пользоваться смартфонами, хотя была не старой, даже не пожилой. Возраст ее трудно было определить из-за седины и сухой кожи лица. Но если бы Барбара Леопольдовна подкрашивала волосы, пользовалась кремами от морщин, наносила хотя бы легкий макияж, то выглядела бы не более чем на пятьдесят.

– Ваш телефон останется у меня, – проговорила Бастинда. – Получите его вместе с деньгами. – И после паузы со значением добавила: – Если вам, конечно, будет что получать.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

– Существует система штрафов. Первую провинность я вам прощаю, но последующие будут учитываться. А теперь займитесь тем, для чего явились в эту комнату.

Туся послушно кивнула и бросилась к шкафу, в котором лежали салфетки. Ей надлежало достать их, проверить каждую на безупречную чистоту, затем сложить «корабликами» и отнести в столовую. Там сегодня будет проходить

званный ужин.

Наталья занялась своим делом. К счастью, Бастинда ушла, чтобы проследить за остальными. Если бы она стояла над душой у Туси, у той бы руки тряслись, корабрики не получились бы. А требовались именно они, поскольку основными блюдами ужина были морепродукты. Ловко сворачивая салфетки, Туся все же поглядывала на себя в зеркало. Эх, жаль, не успела сделать ни одной фотографии. В старинном платье с корсажем она такая хорошенькая. И в этом кружевном кокошнике-наколке над волосами. Без передника, который Туся могла бы на время снять, ее наряд выглядел вполне светски, и она походила на благородную даму прошлого, а не на горничную в доме нувориша с причудами. Точнее, его бывшей жены.

Наташа Ложкина родилась и выросла в ничем не примечательной деревне Дрозды на окраине Московской области. Кто мог, оттуда уехали. Оставшиеся занялись хозяйством или пьянством. На каждого хозяина приходилось по три пьяницы. Деревня потихоньку умирала. Но все изменилось, когда рядом с ней огромный участок земли приобрел столичный миллионер по фамилии Аникян. Он замыслил построить замок, а для этого требовалась в том числе дешевая рабсила. В разнорабочие брали всех деревенских мужиков. Алкашей кодировали. Естественно, многие срывались после первой полочки, и провинившихся тут же увольняли. Их место занимали непьющие таджики – на радость одиноким бабенкам из Дроздов и соседних деревень. В общем, закипела жизнь в округе.

Когда началось строительство, Туся была совсем крохой. Сейчас – молодая женщина. И она впервые оказалась в замке. В садах, разбитых хозяйкой, бывала много раз. Она помнила времена, когда их не охраняли. Но деревенские бесцеремонно разгуливали по ним, топчя саженцы, распивали алкоголь под пышными кустами, мусорили. Терпение хозяев лопнуло, когда кто-то выкопал несколько редких растений и утащил то ли к себе на участок, то ли на рынок, чтобы продать. Тогда сады и огородили. Аникян собирался запретить деревенским проход за ворота, но жена уговорила его не закрывать их насовсем. Она гордилась своим творением и хотела, чтобы им наслаждался не только узкий круг. Тем более тех, кто в него входил, ничем не удивить, они и не такие красоты видели в Версалях да Фуншалах, тогда как многие обитатели Дроздов не выбирались дальше районного центра, а там в городском парке даже кустарник не стригут и погибшие деревья не вырубают.

Для посетителей ворота открывались в определенные часы. Иногда они были распахнуты весь день, и деревенские устраивали в садах массовые гуляния. И вели себя прилично: за ограждения не заходили, мусор не кидали, ничего не ломали. Но нашлись те, кто все испортил. Двое пьяных из района сцепились с таджиками, которые, как им казалось, не были достойны девушек, с которыми пришли. Завязалась драка. В руках одного из задир появился нож...

Никто не умер, но один из четверых серьезно пострадал, другого посадили. Поскольку все это происходило на частной территории, у хозяина появились кое-какие проблемы. Не глобальные, даже не крупные, и все равно Аникян разозлился и снова закрыл вход. Все думали, навсегда. Но через несколько месяцев на КПП появилась рамка металлоискателя, и все вернулось на круги своя.

О том, кто является супругой Аникяна, деревенские узнали от журналистов, когда те понаехали в Дрозды, чтобы снять передачи о Екатерине Могилевой.

– Да это же Дуся-лапуся! – поразились все. – Певица!

Туся, росшая на других песнях, о такой не слышала, но ее просветили. Оказалось, Могилева была звездой девяностых и нулевых. Ее имя гремело, а хит «Дуся-лапуся», как принято говорить, звучал из каждого утюга. Но ни на одной масштабной ретродискоотеке Екатерина не появилась. Туся смотрела по телевизору трансляции и ни разу ее не видела.

В жизни, собственно, тоже. Могилева много времени проводила в садах, но в те часы, когда они были закрыты для посещения. А из замка она выезжала на тонированной машине. Ее возил шофер. Кроме него, на Аникяна и его жену работало много людей. Сколько точно, никто не знал. Все видели только охранников, водителей, садовника и домоправительницу Бастинду. Та бывала в Дроздах регулярно. Особенно часто летом. Покупала у хозяйшек зелень, сезонные овощи, ягоды. Приезжала на маленькой садовой машинке с кузовом и загружала его.

– Что ж хозяйка свой огород не заведет? – как-то спросила у нее Наташина бабушка. Она снабжала «господ» ранней клубникой, томатами «Бычий глаз», которые только у нее и вызревали, да облепихой. – Земли полно, хоть пшеном засеивай.

- Вы бы еще предложили ей курей развести.

- А что? Все лучше павлинов. От них хоть польза. А петушки поют хорошо, голосисто.

- При чем тут павлины?

- Так они ж у вас в замке водятся.

- Нет, у нас только драконы, - саркастично заметила Бастинда.

- Да, и о них рассказывали. Игуанами называются. Или варанами? Не помню...

По деревне на самом деле какие только слухи не ходили. В самом замке никто из деревенских не был, но за стену кое-кто попадал. Например, участковый. Он и сказал, что, миновав ворота, как будто попал в другой мир. За стеной сады дивные, цветы, фонтаны, а вокруг замка только коротко стриженная трава и каменные строения типа беседок. Пруд еще есть. Тоже мрачный. Поросший кувшинками.

- В нем черные лебеди водятся? - спросила у него жена. Она хотела знать все, чтобы потом рассказать соседям.

- Нет. И павлинов я не видел. Брешут, не держит их Аникян.

- Может, в павлиннике в это время были.

- Где?

- У курей курятник, а у них, соответственно...

- Нет там павлинов, говорю же. Их бы тигр сожрал.

- Тигр? - ахнула супруга.

- Ну.

- Ты его видел?

- Нет, слышал рык. Чуть не обкакался.

Потом оказалось, что эти звуки издавал сторожевой пес по кличке Лютик, кавказец весом под центнер.

Но не только о домашних питомцах Аникяна судачили в Дроздах. Всем было любопытно, сколько людей постоянно проживает в замке. В нем двадцать комнат, есть бассейн, сауна, тренажерный зал. Мужики, что принимали участие в строительстве, говорили, что имеется еще огромный подвал, в котором в случае атомной войны смогут спрятаться люди из всех окрестных деревень. Неужели это все для двоих? Или в замке проживают еще какие-то родственники Аникяна или Могилевой? Детей у них вроде бы нет.

Тусина бабушка как-то не удержалась и спросила у Бастинды об этом. Но та демонстративно проигнорировала вопрос. Просто стояла и молчала, с осуждением глядя в глаза любопытной старухе. Ту, надо сказать, это не смутило. Бабушка, в отличие от внучки и многих других деревенских, не робела перед Барбарой Леопольдовной.

О том, что замок продается, она узнала первой. От Бастинды, которая явилась неожиданно и в неурочный час, не днем, как обычно, а вечером. Бабушка уже села новости по первому смотреть.

- Извините за столь поздний визит, - поздоровавшись, церемонно проговорила Бастинда, - но мне очень нужна ваша помощь.

- Моя? - переспросила старушка.

- Вообще-то, Наташина.

- И чем она помочь может?

- Я слышала, она у вас официанткой работала?

- Было дело.

- В Москве?

- Почти. Во Владимире.

- Надеюсь, хотя бы в ресторане? Только не говорите «почти», имея в виду бистро какое-нибудь.

- Нет, в итальянском ресторане, самом настоящем. А что?

- Завтра в замке будет проходить званый ужин. Повара и официанты столичные...

- Ишь ты, - подивилась бабушка. - У вас разве своих нет?

- Только кухарка и горничная. Они не подходят, - терпеливо объяснила Бастинда. - Сейчас мне позвонили, сказали, что девочка-официантка сломала ногу, приехать не сможет, другую искать некогда, а парень один не справится. Тут я о Наташе и вспомнила. Не хотела бы она подзаработать?

- Сколько? - деловито поинтересовалась та.

- Пять тысяч. Плюс хороший ужин.

- Обьедки, что ли?

- Не говорите глупостей. Для обслуживающего персонала специально готовят. Так что, выручите?

- Выручим, - кивнула головой бабушка.

- Может, Наташу позовете и у нее спросите?

- Нет ее дома, но она согласна. А если она хорошо справится, возьмете ее на постоянную работу? Не обязательно официанткой. Хоть кем. У нас сейчас с

деньгами туго.

– Замок продается. Скоро все мы без работы останемся.

– Да что вы? А кому?

– Мне не доложили. Жду Наталью в два часа дня. Пусть не опаздывает.

И ушла. А бабушка принялась звонить Тусе, чтобы сообщить две важные новости.

Первая, о продаже замка, внучку не тронула. Хотя должна бы, ведь новый хозяин может закрыть доступ к садам, которые так любила Наташа. Но перспектива побывать за стеной так взволновала ее, что девушка ночь не спала. Неужели она попадет в замок? Тот, глядя на который через забор и каменную ограду она переносилась из серой реальности в чудесный мир фантазий. Туся росла мечтательной девочкой и считала, что родилась не в то время. Ей хотелось бы жить в эпоху рыцарей и быть той дамой, ради которой они сражаются на турнирах. Естественно, ее представление о далеком прошлом складывалось по фильмам и книгам. Не историческим – художественным, снятым и написанным в легком жанре сказок и приключений. Но тем и хороши детские мечты, они не знают ограничений.

Став подростком, Туся начала грезить о других вещах, более приземленных: тоже о рыцаре, но уже не на коне, а на белом «Мерседесе». И этим она ничем не отличалась от остальных девочек. Но память о детских мечтах осталась, и Наташа по-прежнему любила книги и фильмы о рыцарях. И не только о них. Годились любые эпохи. Именно исторические мелодрамы увлекали Тусю больше остальных. Как интересно было следить за жизнью роскошных фавориток императоров, любимых наложниц султанов, отчаянных пираток, хитроумных шпионок! Сидишь в комнатке общежития, тесной, плохо отапливаемой, вымотанная после двенадцатичасовой рабочей смены, грызешь сушки, потому что готовить сил нет, а мысленно ты не там, а во дворце или на рассекающем волны корабле. И ты не обычная девчонка с посредственной внешностью, у которой даже парня нет, а красавица с армией поклонников, никому из которых ты не достанешься, потому что любишь одного-единственного, самого лучшего на свете...

В замок Туся прискакала заранее. Но ее за стену не пускали. Сидела в саду на лавочке, ждала нужного часа. Ровно в два ворота открылись, и ее встретила Бастинда. Пока вела к замку, давала указания, но Наташа плохо ее слушала, по сторонам озиралась. Не наврал участковый, внутренняя территория была аскетичной. Все в духе Средневековья. Бассейн, гараж на десяток машин замаскированы, не поймешь где. Ни павлинов, ни игуан Туся тоже не заметила, а вот «тигра» услышала и вскрикнула.

- Не бойтесь, пес на цепи, - успокоила ее Барбара Леопольдовна.

- Лютик, кажется?

- Вообще Люций. Люцифер. Но на это имя он не откликается.

Она ввела Тусю в замок через боковой вход. Показала ящик для хранения одежды и выдала ей ту, в которую нужно переодеться. После того как Наталья сделала это, отвела в помещение, уставленное шкафами, которое назвала «кладовой», и дала задание.

...И вот двадцать минут спустя Туся, свернув все салфетки, направляется в залу, чтобы заняться вместе с Бастиндой сервировкой.

- Эй, барышня, стой, - услышала она громкий шепот и обернулась.

Сначала не увидела никого, кроме рыцаря. Он стоял в конце коридора, опираясь на меч. Понятно, что это были всего лишь доспехи средневекового воина (подлинные или нет, неясно), но когда они заговорили, Туся испугалась. Страх улетучился, когда она заметила живого человека, выглядывающего из-за железного.

- Привет, - поздоровался он с Тусей. - У тебя булавочки, случайно, нет?

- Случайно есть. - Бабушка научила всегда при себе иметь носовой платок и булавку. И если первый предмет Наташа не считала обязательным, всегда можно воспользоваться бумажной салфеткой, то второй незаменим, когда пуговица отлетела или сломалась молния. Поэтому она ко всей одежде прикалывала с изнанки булавку. На всякий случай.

– Дай, пожалуйста, – попросил парень. Туся рассмотрела его: навскидку года двадцать три, темненький, симпатичный. – А то я сейчас штаны потеряю.

Наталья оставила тележку, на которую сложила салфетки, отстегнула булавку от подола и отдала ее парню.

– Спасибо, выручила, – с облегчением выдохнул он и скрылся за доспехами. – Эти костюмы дурацкие, кто их только придумал? Крючки вместо молний, а они не держат ни фига...

– Хозяин замка господин Аникян, судя по всему, – ответила ему Туся. – Он помешан на Средних веках.

– Наши тряпки к ним никакого отношения не имеют. Это же ренессанс. К тому же дом давно принадлежит Екатерине Могилевой, а она баба продвинутая, могла бы избавиться от нелепых нарядов.

– А мне они нравятся. Симпатичные. И из натуральных материалов, тело дышит.

– Симпатичные, говоришь?

И вышел из-за доспехов, явив себя взору Туси целиком.

Он был очень стройным, даже худеньким. Но не тощим. Плечи широкие, икры мускулистые. Фигура бегуна. И на ней совершенно нелепо сидел костюм: пышная рубаха и бриджи с манжетами.

– Я как будто собрался на тематическую гей-вечеринку эпохи Возрождения, – пробурчал парень.

– Да, выглядишь ты потешно.

– А ты отлично. Как зовут?

– Туся. А тебя?

– Марк. Будем знакомы. – И протянул ей руку. Туся вложила свою ладонь в его, думала пожмет, но парень поцеловал ей ручку, низко склонившись над ней. На затылке у него оказался хвостик, а на шее татуировка. – Ты тут работаешь?

– Только сегодня. Заменяю заболевшую официантку.

– Коллеги, значит. Я тоже буду обслуживать стол.

– Кстати, пора его сервировать, – вспомнила о штрафе Наталья и кинулась к тележке. Если Бастинда заметит, что она прохлаждается, накажет рублем, а они с бабушкой уже решили, на что потратят именно пять тысяч.

Но Марк ее опередил. Схватившись за ручку первым, он покатил тележку к залу, где Бастинда уже поджидала их, и лицо ее было недовольно.

– Где вас обоих носит? – напустилась она на официантов.

– Я салфетки сворачивала, как вы и велели, – ответила Туся и указала пальцем на корабрики из ткани.

– А я справлял малую нужду, – весело проговорил Марк. – Надеюсь, для того, чтобы в туалет сходить, не нужно у вас отпрашиваться?

– Нет. Но ваша уборная в другом месте.

– И где же расположены отхожие места для челяди? На заднем дворе?

– Туалеты для персонала возле кухни, – процедила Барбара Леопольдовна. – А если будете зубоскалить во время ужина, я вас оштрафую.

– Не сможете, – хмыкнул Марк. – Мне платит шеф-повар, а не вы. Но не переживайте, я свою работу знаю... – И после паузы добавил: – С господами я зубоскальство себе не позволяю.

И, широко улыбнувшись Бастинде, принялся расставлять тарелки.

Глава 4

Гости собрались!

Приехали все, кого Катя позвала.

– Я думал, мужчин будет побольше, – шепнул ей на ухо Игорь.

– У нас бабье царство, – ответила ему Екатерина и приложилась к фужеру с шампанским.

Им Фердинанд и гостей встречал. Подносил каждому. Иные напитки стояли на подносе у мальчика-официанта. А девочка разносила канапе и пtifур. Вэлком дринк проходил в холле. Довольно светлом, не загроможденном мебелью и тяжеловесными аксессуарами вроде доспехов, бронзовых скульптур и напольных канделябров. Не всегда это помещение было таким. Когда-то все вышеперечисленное стояло на полу из шлифованного камня. На стенах тоже что-то висело: от рогов до чеканок. Катерина постепенно избавилась от раздражающего ее декора. Чем-то одарила краеведческий музей, остальное рассредоточила по дому. Единственное, что осталось в холле, это чучело буйвола. Арарат обожал сие творение таксидермистов. Называл почему-то Боливаром. Выпивая лишнего, любил на него взбираться и, размахивая снятым со стены старинным мечом, распевать рыцарские гимны. От буйвола Катя тоже хотела избавиться, но тот стоял на платформе, врезанной огромными болтами в пол. И она решила оставить Арарату игрушку. Пусть себе скачет на ней, впадая, как и положено всем взрослым и успешным мужикам, в детство. А еще на рога Боливара можно было вешать верхнюю одежду. В этом был какой-то креатив.

...На ужин Катерина пригласила шесть человек, и среди них был только один мужчина. То есть выходило даже не по десять девчонок на девять ребят, как в песне, а на одного кавалера по три дамы. Хорошо, что танцев не будет, а то не поделили бы.

Игорь, пока гости собирались, нервничал. Естественно, он этого не показывал и так старался выглядеть спокойным, что переусердствовал. Застыл как монумент: Катя едва кисть свою втиснула между его сунутой в карман рукой и туловищем. Но когда все были друг другу представлены, Игорь выдохнул. И тут

же сделал жест официанту, веля принести виски. Сделав пару глотков, он начал разговаривать.

Они немного пошептались, и Катя направилась к лучшей своей подруге Светке, которая дергала головой уже минут пять. Так она подзывала ее к себе.

- У тебя приступ? – сердито проговорила Катерина, подойдя.

- Мне не терпится сказать «вау».

- Могла бы проартикулировать, а не уподобляться китайскому болванчику.

- Мужик – огонь! Поздравляю.

- Спасибо, – расплылась в улыбке Катя.

- Только если ты для него заморочилась с лакшери-ужином, то зря. Ты как будто свое превосходство показываешь. Или просто выпендриваешься.

- Не для него, конечно. Я хотела посиделок по-домашнему. И Игорю комфортнее, и мне не тратиться.

- Аринке нос утереть хочешь? Графине, мать ее, Камергеровой? – и снова дернула головой, теперь в сторону их общей подруги, водящей носом над фужером. Шампанское было открыто до того, как Арина явилась, и та как будто не верила, что в ее бокале «Кристалл». Она была женщиной с большой претензией.

- Потенциальному покупателю пыль в глаза пускаю.

- Кто из двух незнакомых мне тетенок он?

- Блондинка.

- Угу... – Светка оглядела упомянутую даму с головы до ног. Затем с ног до головы. Взглядом как карточкой по терминалу провела. Но никакого мнения не

высказала. Вместо этого спросила: – А зачем пускаешь пыль?

– Чтобы цену не опустила. Я и так дешево продаю. И больше не торгуюсь. Но если она поймет, что мне срочно нужно от замка избавиться, потому что на содержание его денег нет, да и вообще их, можно сказать, у меня нет, уронит цену капитально. А других покупателей пока не наблюдается.

– Хочешь, подыграю тебе? – азартно воскликнула Светка. – Подкину пыли от себя?

– Только попробуй.

– Но я хочу помочь.

– Тогда просто не мешай. И помалкивай.

– А если она меня начнет расспрашивать о твоём финансовом положении, когда я подопью? А я подопью, ты меня знаешь. И что мне делать? Молчать?

– Как партизан. Но никто тебя ни о чем расспрашивать не будет. Ты сидишь рядом со мной, а она в конце стола на другой его стороне. И уйдет сразу после десерта – дела у нее.

– А рядом с ней будет... дай я угадаю? Жоржик?

– Он самый. Но он давно перестал себя так называть, если помнишь. Теперь Евгений, как в паспорте написано. Обычно с отчеством, Анатольевич.

– Как наша графиня, мать ее, Камергерова умудрилась за такого замуж выйти?

– Он славный человек.

– Какаха он на палочке. Но повезло с родителями. Поэтому вырос с золотой ложкой в зубах.

Их общая подруга Арина Камергерова вышла замуж за Евгения Анатольевича, который в далекие девяностые называл себя Жоржиком, двенадцать лет назад. Но познакомились они сначала с ним. А через годы он представил невесту Светке и Кате. Они удивились. Думали, он гей. И даже наличие у Жоржика сына не убеждало их в обратном. Но тот как будто искренне был влюблен в свою молодую по сравнению с ним жену. Ему было за пятьдесят, а ей только исполнилось тридцать. И он не уставал превозносить ее таланты, целовать ручки и, прости господи, зажимать по углам. Катя ничего подобного не видела, но Светка уверяла, что наблюдала весьма эротическую сцену с участием новобрачных.

Как у них складывались отношения в действительности, не знал никто. Внешне очень душевно. А как уж на самом деле... Катя не совала туда свой нос, а Светка лезла в это так настойчиво, что никто ей не говорил правды.

А Жоржик был хорош. Сын советского поэта-песенника и дочери испанского революционера, который дружил с самим Хемингуэем, он унаследовал много всего. Но не только материального, как то: квартиру в центре, дачу в престижном подмосковном поселке, антикварную мебель. Папа Жоржика был из благородных, а мама из писанных красавиц. Сын взял и аристократизм, и броскую внешность. В шестьдесят с гаком он выглядел так же хорошо, как и в сорок. Именно в этом возрасте он познакомился с Катей и Светкой. Они обе тогда были поп-звездами, правда, первая рангом повыше. Светка звездушкой считалась. Певичкой-однодневкой. И это притом что у нее был шикарный голос. Но молоденькую Светулю (под таким сценическим псевдонимом она выступала) продвигал очень богатый муж. Все об этом знали. И предполагали, что она не задержится на эстраде. Споет пару песен, успокоится и начнет рожать. Или муж-миллионер найдет себе другую женушку и будет помогать уже ей. Но Светка оказалась крепким орешком. Да, она родила сына, наследника своему нуворишу. А в шоу-бизе осталась. И даже после того, как развелась, продолжила петь, найдя себе другого покровителя. Когда Катя покинула сцену, Светуля на нее выпархивала, пусть и не с таким блеском, как раньше. Финансовой поддержки она больше не имела – ее спонсора убили, а все, чем он владел, досталось законной супруге. И Светка научилась справляться сама. Она была везде. Ее звали на шоу – она шла. Не звали – прорывалась с боем. Третий ее мужчина, любимый, был уже не так богат. Точнее, совсем не богат. Его можно было с натяжкой причислить к среднему классу. И она очень хотела ему помочь с бизнесом, дать образование сыну, себя поддерживать в хорошей форме, вот и скакала с канала на канал и выступала в том числе на днях поселков. Она пахала. Но любимый все равно ушел, сын остался в Лондоне, где учился, и

Светка запила. Или, как сама говорила, начала прибухивать. Ничего крепкого, только винишко. Но каждый день. Всегда была чуть пьяненькой и веселой. Если перебирала, могла начудить. Поэтому перед тем, как ее выпустить в студию какого-нибудь скандального шоу, певицу Светулю подпаивали. А перед концертами не давали больше двух бокалов.

Но когда они познакомились с Жоржиком, она совсем не пила. Только лимонад. Его вместо шампанского себе в фужер наливала. В его квартиру их привел знаменитый клипмейкер. Точнее, Катю. Хотел показать интерьер, в котором хотел бы снять ее. Та взяла с собой подружку. С тех пор они стали приятельствовать, хотя клип в квартире Жоржика так и не сняли, перенесли на студию. А возжелавшей арендовать ее Светуле для того же самого он отказал. С тех пор она затаила на него не то чтобы зло, она была очень доброй, а обиду. И нет-нет да высказывалась на тему того, какой Жоржик какашка. А жену его называла не иначе как «Графиня, мать ее, Камергерова». Хотя к ней относилась лучше, чем к Жоржику. Просто Светуле не нравилось, что та бравирует своим благородным происхождением, хотя голубых кровей был только один из ее предков. Тот же Евгений Анатольевич поскромнее был. И если намекал на свою избранность, то очень тонко.

Своих детей у пары не было. Когда Арина вышла замуж за Жоржика, у того имелся пятнадцатилетний сын Влад. Он унаследовал красоту своего отца и, как считала Светка, его же «какашечный» характер. Катя же за ним такого не наблюдала. Нормальный парень, росший с неадекватной матерью, а после ее смерти от непонятных причин отданный отцу. Тогда Владу было двенадцать. Начало переходного возраста. До этого Жоржик только говорил о нем и показывал всем фотографии, в том числе совместные. Но когда взял сына к себе, у мальчика началась новая жизнь, настолько не похожая на прежнюю, что у него немного сорвало крышу. Но с возрастом он выправился. Отучился, начал работать. Сейчас ему было двадцать семь. Он жил отдельно, но женат не был. Хороший парень, говорила о нем Катя. Такая же какаха, как папаня, возражала Светка.

– Кушать подано! – разнесся по холлу голос дворецкого.

Затем он распахнул золоченые двери в залу, и гости устремились в нее.

Глава 5

Салат, который она ела, был невероятно вкусен. Казалось бы, обычные ингредиенты, какая-то зеленушка, креветки, не королевские, простые, кедровые орешки, а отправляешь его в рот и замираешь от наслаждения. Дело в соусе, решила Арина. После чего насадила на вилку последний листик латука... Или романо? А может, это вообще пекинская капуста? Арина не разбиралась в салатах в частности и в кулинарии в целом. Она не умела готовить, хоть и пыталась научиться. Но, делая какое-то блюдо под контролем нанятого ею преподавателя по кулинарии, справлялась. Получалось если не вкусно, то сносно. Но самостоятельно то же самое блюдо воспроизвести не могла, хотя делала все как положено. Соблюдала каждое действие. И все равно получалось не то.

- Ты не рождена для этого, милая моя, смирись, - говорил ей муж. И не требовал подвигов на кухне. Но Арина сама хотела их совершать. После многих попыток прислушалась к мнению мужа и смирилась.

Когда чудесный салат был доеден, Арина стала ждать, когда унесут тарелку. А все потому, что желание подобрать соус хлебушком было нестерпимым. Но нельзя. Это не аристократично.

- Девушка, будьте любезны, - обратилась она к официантке. - Унесите.

Та тут же подскочила, поставила тарелку на поднос, но ушла не сразу.

Арина вопросительно на нее посмотрела.

- Извините, - пробормотала девушка. - Я просто огромная поклонница вашего творчества...

- Это приятно.

- Подпишете мне книгу после? У меня с собой «Танцы на голубой крови». Перечитываю уже в пятый раз.

- Конечно, дорогая моя.

Арине было очень приятно это слышать, и она перебралась бы еще парой фраз с поклонницей своего таланта, но этому помешала Барбара, которая, как цербер, следила за всем обслуживающим персоналом и могла подумать, что официантка досаждают госте. Арина Барбару терпеть не могла. Противная баба. Катя тоже ее не особо любила. Но Михельсон нельзя было уволить, потому что ей платил Арарат. Как и всем остальным. Съехав, он уменьшил штат, но оставил дворецкого, домоправительницу, горничную и кухарку. Это только в доме, естественно. Катерина говорила, что вполне обойдется без Фердинанда и Барбары, но Аникян настаивал на их присутствии. Почему? По мнению Арины, ответ был очевиден: кто-то из них, если не оба, на нее стучал. Иначе как Арарат узнавал обо всех изменениях в личной жизни Катерины?

– Госпожа Камергерова, у вас все в порядке? – обратилась к Арине Барбара, так зыркнув на официантку, что та вся внутренне сжалась.

– Да, все отлично. Я выражаю девушке свою благодарность за прекрасное обслуживание.

Домоправительница дежурно ей улыбнулась, а девочку все же под локоток увела. И следующее блюдо Арине поднес паренек с хвостиком. Оно было не хуже прежнего, но опять ничего особенного на первый взгляд. Кальмар, и только! Да к нему тушеный шпинат подан. Эта противная на вид зеленая масса чем-то пропитана и на вкус прекрасна. Особенно в сочетании с поджаристым кальмаром. А он просто тает во рту. Арина сколько ни пыталась приготовить его так, чтобы хотя бы не жестким был, у нее не получалось. Не дал бог кулинарного таланта, как и многих других. Разве что писательский... Но и тот подвел ее.

...С детства она мечтала стать врачом. Все куклы Арины Камергеровой болели, а она их лечила. И не только их, но еще и кота, и бабушку с дедом, на которых ее оставляли, поскольку девочка категорически не желала ходить в детский сад.

В школе она была санитаркой. В первый класс Арина пошла еще при СССР, а тогда у каждого пионера на случай войны была своя задача. Кто-то изучал азбуку Морзе, другой ориентированием на местности занимался, третий метал гранаты. Арина лечила людей. Ходила с сумочкой с красным крестом, знала, как оказать первую помощь, наложить жгут и повязку «чепчик».

Окончив среднюю школу, Арина подала документы в мединститут. Она не сомневалась в том, что поступит, но завалилась на первом же экзамене. Расстроилась, конечно, но духом не упала. Устроилась на работу, чтобы не сидеть на шее у своих небогатых родителей и иметь деньги на репетитора. На следующий год снова подала документы в медицинский. Сдала все экзамены, но не набрала достаточного количества баллов. С ними Арина, в принципе, могла бы сунуться в медучилище. Ее бы взяли. Но она хотела быть врачом, а не фельдшером или сестрой. Если бы у их семьи имелись деньги, Арина могла бы поступить на платное отделение, но увы... Мама учитель, папа водитель маршрутки, их зарплат хватало лишь на то, чтобы поесть и заплатить за квартиру. Да, при СССР они еще каждый год на море ездили, но с наступлением перестройки все изменилось, и Камергеровы в отпуск уезжали на дачу в область, благо шесть соток в свое время успели получить.

А меж тем отец Арины имел благородное происхождение. Его дед был князем. Древний род Камергеровых обнищал, и наследника женили на купеческой дочке. Та родила двоих наследников своему князю. Одного за другим. Но когда произошла революция, Камергеров при первой возможности уехал в Европу, бросив купчиху и деток. Ей он даже ничего не обещал. Просто сбежал, поняв, что богато жить за счет тестя уже не получится, а бедно – лучше в Париже. Там хотя бы будет цениться его титул.

Прабабка Арины осталась одна с двумя детьми. Имущество у семьи отобрали, этого не смог пережить отец, скончался от сердечного приступа. Мать пришлось взять к себе. А также сестру-дурочку. Именно из-за нее погиб старшенький. Играла со спичками, подожгла дом. Все имущество сгорело, а люди надышались дымом. Но все другие выжили, а мальчик, у которого были проблемы с легкими, скончался. Но не сразу. Долго мучился. Ему, скорее всего, можно было бы помочь, но... В стране разруха, голод... Люди мрут постоянно, массово, в том числе дети...

Обо всем этом Арине рассказывал отец. Скупно, поскольку был немногословным. Ему – бабушка. Ее сын, наследник рода Камергеровых, в девятнадцать загремел в тюрьму. Ребенка ему родила какая-то шальная бабенка, с которой он познакомился, когда вышел. Вскоре сел во второй раз. Трехмесячного мальчика скинули бабушке. Она его и воспитывала.

Арина не застала прабабушку, она умерла за год до ее рождения. Дед-граф сгинул где-то задолго до этого. И все же история рода Камергеровых не давала

ей покоя. Девочка постоянно фантазировала о том, как сложилась бы жизнь ее предков, если бы не революция. Наверняка ее дед, наследник не только титула, но и большого купеческого состояния, нашел бы себе достойную партию. У пары появились бы дети. Быть может, только один сын. Но у него было бы все! Главное – чувство собственного достоинства. Он гордился бы родителями. Батя же Арины стыдился их. Особенно отца. Ладно бы он был только эком, но еще и дворянином. В советские времена это считалось позорным. Поэтому отец Арины хотел стать незаметным. Вечно прятал свою природную красоту (Камергеровы ею славились), не желал выпячивать ум. После восьмого класса пошел в ПТУ, отучился на автомеханика, отслужил в армии, устроился в городской автопарк водителем, женился в двадцать четыре и зажил себе скромно, тихо, как будто с опаской. Он был эрудирован и с женой-учительницей общался на равных, а если бы давал себе волю, то поражал бы ее полетом своего ума. Но папа загнал себя в рамки, поэтому обычно помалкивал. В отличие от других шоферюг он почти не пил. Вечерами читал. По выходным не в гараже ковырялся, а создавал реконструкции великих сражений, вырезая фигурки воинов, лошадей или танков, раскрашивая их, расставляя по полю. Его очень увлекала история, наверное, поэтому он и полюбил женщину, ее преподающую.

Третью и последнюю попытку поступления в мединститут Арина предприняла из одного лишь упрямства. Хотела себе доказать, что сможет добиться намеченного. Но врачом ей уже не очень хотелось становиться. Попав в больницу с аппендицитом, она такого там насмотрелась, что перестала романтизировать профессию. Хирургам платили гроши, не снабжали их нужным инструментом, они со злости пили спирт, оперировали на «отшибись». Естественно, не все. Но многие.

Арина не поступила и в этот раз. Троекратное поражение больно ударило по самолюбию. Девушка впала в депрессию, которую тщательно скрывала от всех. Она всегда была скрытной. И молчаливой, в отца. Делилась переживаниями со своим дневником – вела его с пятого класса.

С личной жизнью у Арины тоже не ладилось. От отца она красоты не взяла, пошла в маму, женщину с самой обычной внешностью. Не была веселушкой и душой компании. Не умела одеваться, да и во что во времена разрухи? Хорошо было девочкам, умеющим шить и вязать. Они из старья себе наряды создавали. У Арины же были руки-крюки. Как только она могла думать, что сможет ими людей резать? В общем, невзрачная молчаливая девушка не пользовалась вниманием парней. Был у нее один, такой же тихоня, но они друг с другом чуть

не умерли со скуки. Даже секс, первый для обоих, был нудным и неловким не только в самом начале, но и потом. Расстались без ссор. Просто перестали друг другу звонить.

Арина поступила на заочное отделение педагогического университета в двадцать один. Выбрала истфак. Она училась и работала, и все равно оставалось время на тоскливые мысли. Почему-то они были только такими. Чтобы отвлечься от них, Арина погружалась в мечты. В них она представляла себя графиней Камергеровой, то в настоящем, то в прошлом. Но мысленно отправить себя в девятнадцатый век было легче. Там ей было бы комфортнее. Нынешняя же действительность ее пугала. Даже если бы судьба России в целом и ее семьи в частности сложилась иначе, Арина вряд ли нашла бы себя в сумасшедшем мире небоскребов, машин, самолетов, бирж, компьютеров.

Идея записывать свои мечты пришла неожиданно. Девушка перелистывала свой дневник. Общая тетрадь, которую она завела в прошлом году, была заполнена на треть. Скучнейшие записи: распорядок дня, какие-то сплетни, нытье... Арина Камергерова из ее фантазий жила более насыщенно, вместе с братьями охотилась, с подругами развлекалась постановкой пьес, посещала балы, кружила головы мужчинам, для гостей дома играла на арфе, но еще лечила крестьян и строила для них лазарет. Все успевала, благо в воображении время резиновое!

И Арина начала писать дневник от лица своего альтер эго. И так увлеклась, что не заметила, как до середины тетрадки дошла. Спустя три недели в руках у девушки был готовый роман. Она вырвала из дневника те страницы, что повествовали о ее скучных буднях, а на обложке тетради написала «Охотница на лис». Ей именно так захотелось назвать свое произведение, потому что героиня не только за зверьками этого вида гонялась по лесам, но и за графом Лисициным – на балах. Граф был загадочным рыжеволосым красавцем, чье расположение не удалось заслужить ни одной светской даме. Естественно, получилось это только у книжной Арины. Сначала она делала это, чтобы утереть нос подружкам. Можно сказать, на спор. Потом влюбилась, и к концу книги стала графиней Лисициной.

Закончив роман, Арина почувствовала разочарование. Она снова оказалась в серой действительности.

«Нужно было писать и писать, – с досадой подумала она. – Придумывать новые препятствия для нас с Лисом...»

Но тут же поняла, что уже не отождествляет себя с героиней. Ее история закончилась хеппи-эндом. И хорошо! Можно придумать другую. В ней она будет, скажем, баронессой фон Григ, а ее избранником станет жгучий брюнет, сын турецкого атташе. Арина сразу двух зайцев убьет: и пофантазирует, и просветится на нужную тему. Ей как раз надо было написать реферат о русско-турецкой войне, которая и разлучит на время героев.

Этот роман Арина писала дольше. Не только потому, что растягивала удовольствие. Она решила углубиться в исторические детали, это было полезно и для нее, и для книги. Мыслей о том, что роман когда-то будет опубликован, у Арины не было. Мечтать о писательстве? С ее-то комплексами? Нет, ни за что. Она врачом не смогла стать, а их каждый год по всей стране выпускают тысячами. Новых же писателей наберется с десятков. И у тех наверняка блат. Или куча денег. А как она, дочка шофера, пусть и графского внука, пробьется? Только и остается, что для себя писать. Но если делать это, то хорошо.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Арины, если бы не папа. Скорее всего, она получила бы диплом педагога, устроилась в школу и продолжила писать в стол. Но как-то раз она пришла домой и увидела отца с общей тетрадью, на обложке которой было написано «Порох любви».

– Папа! – возмущенно воскликнула Арина. – Ты рылся в моих вещах? – Она не прятала рукописи под замок, но убирала в ящик письменного стола, куда родители не лазили.

– Что значит рылся? – буркнул отец. – Я искал учебник.

– Это не он! – Арина вырвала у него тетрадь. Она никому не давала читать свои романы и уж тем более не хотела, чтобы это сделал отец.

– Тетрадь была вложена в него, – терпеливо объяснил он. – Я думал, это реферат по русско-турецкой войне. Он мне помог бы, сейчас я собираюсь реконструировать сражение под Плевной.

– Когда ты понял, что это не он, мог бы отложить.

- Втянулся. Хорошо пишешь. Много соплей, конечно. Но в целом...
- Спасибо. - Впервые Арина получила оценку своего творчества. И она оказалась высокой. Это было более чем приятно.
- Покажи рукопись кому-нибудь. Вдруг напечатают?
- Кому? - горько усмехнулась Арина.
- Узнай адреса издательств и съезди по ним.
- Ты правда считаешь, что они будут читать рукопись девочки с улицы?
- Почему нет?
- Да они просто в мусор ее выбросят. А у меня она только одна.
- Это плохо. Надо несколько экземпляров иметь. И напечатать текст на машинке.
- Лучше на компьютере, - поправила его Арина. - Тогда можно будет сделать столько копий, сколько потребуется. Но у меня ни машинки, ни компа.
- Давай купим.
- Я и печатать-то не умею.
- Научишься.
- Ты никогда не был таким настойчивым. Что с тобой?
- Я, дочка, тоже графоманил когда-то, - признался отец. - Рассказы писал, повести. Как и ты, исторические. Только про любовь у меня совсем не получалось. Но и без нее интересно было, как мне кажется.

- И ты никому не показывал свои произведения?

- Нет. Мы с тобой похожи. А сейчас думаю, почему я в журнал не отправил хоть один рассказ. Вдруг напечатали бы. Но в свое оправдание могу сказать вот что: мать меня застрашала «нехорошим» происхождением. Велела не высовываться. Даже фамилию мне свою хотела дать, да я заартачился. В глубине души гордился ею. И нехорошим происхождением. Но сейчас другие времена, дочка. Ты можешь делать это открыто. Прославлять ее, нашу фамилию.

- У меня не получится, па.

- А ты попробуй.

Не веря в успех, Арина все же решила последовать совету отца. И следующий роман отпечатала на машинке (первое время одним пальцем тыкала и жутко злилась). Ее она не покупала, а взяла напрокат. Получилось два экземпляра. Один Арина оставила у себя, второй отнесла в издательство. Все равно выкинут, так к чему делать больше копий? А компьютер покупать и подавно ни к чему: в те годы это была роскошь, позволительная только богатым.

Как и ожидалось, Арине из издательства не позвонили. И она поехала забирать рукопись, хотя была уверена, что ее не отдадут, потому как она давно на помойке. И в одном не ошиблась: распечатку романа она назад не получила. А все потому, что она лежала на столе у главного редактора, к которому ее тут же провели.

- Это вы написали? - удивленно воскликнул он после того, как поздоровался и пригласил сесть.

- Да.

- Подумать только. Я представлял себе возрастного автора, а вы совсем девочка. Как вас зовут, душа моя?

- Арина Камергерова.

- По паспорту? - Девушка кивнула. Она была смущена и немного напугана.

– Класс! Может, вы еще и из благородных?

– Мой прадед был графом. Он в 1917 эмигрировал из России, бросив семью тут.

– Все как в книге! – воскликнул редактор и шарахнул ладонями по подлокотникам. Арина вздрогнула. – Это ж какую пиар-кампанию можно замутить! Сейчас аристократизм в тренде. У вас ничего фамильного драгоценного не осталось? – Она хотела ответить отрицательно, но ему уже было неважно. – Впрочем, плевать. Нужно будет – найдем. Другой вопрос у меня к вам. Много у вас таких книг?

– Вообще у меня еще две есть, но там действия разворачиваются в другие времена.

– Но жанр, жанр? Тот же?

– Вроде. Я не очень разбираюсь.

– Это историческая мелодрама, – редактор ткнул пальцем в рукопись. – Те две тоже? – И снова кивок. Главред был таким напористым, что Арина никак не могла расслабиться, хотя уже понимала: все отлично. Не так, как она прогнозировала. – Так что ж вы все не принесли?

– Я думала, вы их выкинете, а у меня они от руки написаны.

– Тащи. Девочки твои коряки разберут и внесут текст в компьютер. Потом я прочту твои романы, и, если они так же хороши, как этот, мы заключим с тобой контракт.

– Ладно, я завтра привезу.

– Не могу ждать. Отправлю тебя на машине, отдашь водителю.

Через пятнадцать минут Арина садилась в шикарную машину марки «Мерседес», но все еще не верила своему счастью. Боялась, что «Охотница на лис» и «Пепел любви» издателю не понравятся. Но тот пришел от книг в восторг, правда, велел доработать первый роман. Неделю спустя Арина снова оказалась в кабинете

главного. И он был там не один. Присутствовали еще мужчина и женщина. Ответственный редактор и пиар-менеджер, как потом оказалось.

– Скажи, душа моя, сколько еще романов ты сможешь написать за этот год? – спросил главный.

– Сейчас конец мая. Скоро сессия. А еще у меня работа. И на машинке я печатаю медленно... Три, не больше.

– Три, – чуть ли не пропел редактор. – А если работу бросить? И сесть за компьютер, там мягкая клавиатура, не надо с бумагой и лентой возиться.

– Если я брошу работу, то как его куплю?

– Душа моя, я тебе его подарю. И аванс заплачу. Только сиди пиши.

– Тогда пять.

– Ты ж моя золотая! – Он вскочил и чмокнул ее в макушку. – Сейчас контракт на готовые три книги заключим, и ты сразу поедешь домой писать. Машину я тебе дам. Компьютер уже в ней.

– Я не смогу его собрать.

– Это ноутбук, душа моя. Его нужно просто раскрыть.

О том, что она не знает, как пользоваться ноутбуком, Арина говорить не стала. Разберется как-нибудь...

Но не смогла. Писала от руки, потом давала перепечатывать знакомой девочке, работающей оператором ЭВМ. Платила ей за это. Сдав сессию и чуть выдохнув, пошла на компьютерные курсы, там худо-бедно освоила ноутбук. Следующие книги писала на нем.

Всего у Арины Камергеровой вышло двадцать пять романов. Почти все они стали бестселлерами, а ее провозгласили королевой исторической мелодрамы.

Ах, хорошие были времена. Пожалуй, лучшие в жизни Арины. Жаль, прошли.

– Дорогая, – она услышала шепот и отогнала прочь воспоминания. – Ты бы ела менее жадно, а то люди подумают, что ты из голодного края.

Арина глянула на тарелку и обнаружила ее пустой. Все до крошки смела, задумавшись. Даже капли соуса по краям собрала, а они были просто для украшения.

– А ты, дорогой, поменьше бы налегал на вино, – ответила мужу Арина. – А то люди подумают, что ты пьяница.

Это было несправедливо. Евгений пил всего второй бокал, но совсем не ел и заметно захмелел – ему нужно было совсем чуть. Но и Арина не жрала в два горла. Подумаешь, не оставила на тарелке, как это положено по этикету, хотя бы кусочек. Другие тоже все доедают. А Светка, не стесняясь, пальчики облизывает. Вот кому на этикет плевать.

– Как думаешь, когда мне подойти к Кате для разговора? – спросил Евгений у супруги уже совсем другим тоном. И фужер с вином отставил, взял тот, в котором вода.

– Пока не знаю. Она не отлипает от своего жениха, а при нем лучше не заводить разговор о деньгах.

– Я отведу ее в сторонку.

– А если она скажет, что у нее нет секретов от любименького Игоречка?

Евгений пристально посмотрел на жену.

– В тебе сейчас говорит зависть?

– Какая еще...

– Обычная, бабья. Подруга встретила свою любовь, а ты по-прежнему живешь с надоевшим мужем. Еще и стариком. А сыровар крепок и собою хорош.

– Не вижу в нем ничего хорошего. Деревенщина. А ты мне никогда не надоешь, хотя, признаюсь, с возрастом ты становишься брюзгливым, и это немного раздражает.

– Но только капельку?

– Вот столечко, – и она развела большой и указательный палец на пару миллиметров. Евгений тут же поцеловал ей руку.

Они мило друг другу улыбнулись и вернулись каждый к своему занятию: он к разговору с соседкой, она к еде – перед ней как раз поставили тарелку с очередным блюдом. Наслаждаясь им, Арина посматривала на глупо-счастливую Катю. Ее как подменили. Хорошо это или плохо, скоро выяснится. Превжняя Дуся-лапуся одолжила бы друзьям денег, а эта – как знать. Но если она не ссудит, то кто? Ни у кого нет миллионов, в которых Арина с Евгением нуждались. У Катерины пока тоже, но, когда она продаст замок, они появятся.

Глава 6

Она была на седьмом небе! Это какое же счастье – познакомиться с автором любимых романов!

Сама Арина Камергерова сидела перед Тусей. Ела из тарелки, которую она ей подавала. И ответила ей, когда Наташа осмелилась заговорить, пообещала дать автограф, а еще защитила от Бастинды.

– Опять тебя ведьма достает? – услышала она голос Марка. Он подошел сзади, когда Туся ставила на поднос розетки с десертом. Основная трапеза, слава богам, подошла к концу.

– Нет, просто контролирует, – ответила та. – Не доверяет мне. Считает деревенской дурочкой.

– Но ты же не такая.

– Как знать, – пожала плечами Туся. – Я живу тут, в Дроздах, и не смогла закончить даже колледж.

– Почему?

– Так сложились семейные обстоятельства.

– Вот именно! – воскликнул он. – А не потому, что дурочка. Так что не давай себя в обиду.

– Я буду очень примерной девочкой, лишь бы получить обещанные пять тысяч.

Марк тоже стал ставить десерты на поднос. Теперь он находился напротив нее. Смотрел пристально. Тусе стало не по себе.

– Чего? – спросила она.

– У тебя крошка, вот тут, – он показал на щеку.

Она дотронулась до нее. Ничего не ощутила. На гладкой, чуть влажной коже крошек не было. Может, прыщ вскочил? От нервного перенапряжения.

– Все? – уточнила Туся.

– Да, – кивнул он и опустил глаза. – А что за дама, с которой ты говорила?

– Это талантливейшая писательница Арина Камергерова.

– Не слышал о такой.

– Ее произведения больше для женщин... – Не стала говорить, что они любовные. Хотя ее любимый роман «Танцы на голубой крови» имел и детективную линию.

– У меня есть мама. И она любит читать.

Они бы продолжили диалог, если бы на них не прикрикнула Евгения, шеф-повар. Она была маленькая, ниже Туси на полголовы, тоненькая (а повара обычно если не толстые, то в теле) и выглядела очень молодо. Несolidная, в общем. Но ее все слушались беспрекословно. Значит, завоевала уважение.

Официанты вернулись в зал и только расставили десерты перед гостями, как из холла донесся громкий голос:

– А вот и я, кого не ждали!

Все среагировали на него. Туся в том числе. И увидела, как в залу заходит низенький, очень некрасивый, но импозантный мужчина под руку с дамой. Та тоже была ростом невелика, но выглядела изумительно. Гладкие черные волосы собраны в пучок на затылке, макияж неяркий, но подчеркивающий все достоинства лица, черное платье-футляр, поверх которого то ли пиджак, то ли кардиган – Туся так одичала в Дроздах, что перестала отличать одно от другого, – ножки в туфельках на шпильке точеные...

– Кто это, как считаешь? – спросила Туся у Марка.

– Феодал, – коротко ответил он.

– Аникян? Я думала, он выше. А с ним кто? Новая жена?

– Нет. Не она.

Туся видела, что хозяйка напряглась и рефлекторно схватила за руку своего нового избранника. То ли сама искала поддержки, то ли желала оказать ее ему.

– А ты откуда знаешь? – продолжила диалог с Марком Туся.

– Я предполагаю. Жену бы он не привел. Любовница, наверное.

– Не старовата? – Дама при всей своей красоте уже разменяла пятый десяток. А Туся считала, что богачи встречаются только с молодухами.

– В самый раз. Он малолеток не любит. Иначе не женился бы на Катерине.

- Когда это было...

- Тшшш, - шикнул на нее Марк. А все потому, что Арарат заговорил:

- Всем привет! Катя, Светка, Ариша, Жоржик. И тем, кого не знаю, тоже...
Ничего, что я вот так, без предупреждения?

- Еще и со спутницей? - холодно проговорила Екатерина, поднявшись. Руки со своим новым мужчиной разомкнула. И кулаки сжала. Но это вряд ли кто-то заметил.

- Это Роза, моя давняя подруга.

- Та самая? - выкрикнула гостя, сидящая рядом с хозяйкой. Тоже певица. Туся не помнила имени, но видела ее по телику несколько раз.

Дуся-лапуся пронзила соседку взглядом. Но не убийственным. То есть не из винтовки стреляла по подруге, а била ее шокером.

- Лучше было бы предупредить, а то у нас мест за столом нет.

- Как же нет? Он на пятнадцать человек рассчитан, а вас всего ничего. - Арарат двинулся к столу, ведя свою даму под руку. - Барбара, распорядись, чтобы стулья и приборы принесли.

Та дернулась, но Катерина ее остановила жестом.

- Лучше проводи гостей в курительную комнату, - сказала она. - Тут никотинозависимых нет, но не зря же господин Аникян ее оборудовал. Там где-то и сигары валяются...

- Барбара, стулья, - прикрикнул на домоправительницу Аникян. И Бастинда его послушалась. Да не просто распорядилась стулья принести, сама притащила. А они были тяжелыми. - Спасибо, дорогая. Теперь посуду. В первую очередь бокалы. Мы хотим выпить. Фердинанд, - окликнул он дворецкого, стоящего в дверях, - неси мой двадцатипятилетний «Чивас».

Дворецкий не шелохнулся. Арарат с удивлением на него воззрился.

- Если хозяйка распорядится, непременно, - проговорил дворецкий.

- Я тебе зарплату плачу.

- Уже нет.

- Хочешь попасть в черный список халдеев? Я это могу устроить...

И Екатерина встряла:

- Федор, принес господину Аникяну виски. - Дворецкий кивнул и удалился.

Ушли и Туся с Марком, но уже на кухню. Их погнала туда Бастинда. Официантов встретила повар Евгения, которую, по всей видимости, привлек шум, и она отошла от своего рабочего места.

- Что там происходит? - спросила она.

- Незваные гости прибыли, - ответил ей Марк. - И им нужно что-то вынести на закуску.

- Продуктов кот наплакал.

- А ты то, что нам, дворовым, приготовила, просто укрась получше. Схавают за милую душу.

- Без тебя разберусь, - буркнула она. - А ты посуду неси.

Когда Туся вернулась в залу, неся на подносе две тарелки с салатом, страсти за столом накалились.

- Зачем было устраивать этот цирк? - кричала Катерина на бывшего мужа. - Впутывать посторонних?

– А кто тут посторонний? – отвечал ей Арарат тоже на повышенных. – Твой жених, друзья, которые тебя знают как облупленную? Или моя Роза, не только первая любовь, но и самый преданный мне человек?

– Вот! – Катерина указала на блондинку со спутницей. Первая была очень спортивной, но широколицей, вторая наоборот: худенькое лицо и тело с тяжелым низом и пухлыми ручками. – Вот те, кто не имеет отношения ни ко мне, ни к тебе!

– Потенциальная покупательница замка и ее... Кем вы, мадам, ей приходитесь? – Ответа Арарат не получил, да он его и не ждал. – Впрочем, неважно. Я хочу обратиться именно к госпоже Ларионовой. Вы дура?

Блондинка опешила. Она вся из себя уверенная, богатая, состоявшаяся дама зрелых лет. С ней наверняка давным-давно никто так не разговаривал.

– Кира, простите моего бывшего мужа за недостойное поведение, – поспешила урегулировать конфликт Дуся-лапуся. – А меня за то, что допустила такое...

– Ничего, я переживу, – сказала Кира. У нее был легкий акцент. – И с вашего позволения откланяюсь. – она поднялась со стула. – Ужин был прекрасен, за него спасибо. Особенно мне понравился лимонный десерт. Созвонимся завтра и все обсудим.

– Госпожа Ларионова, вы бы вернули свою пятую точку на место, – бросил Арарат. – А то главное пропустите. Вы дура, потому что плохо изучили документы на дом и землю. И если ваша спутница – риелтор, увольте ее к чертям.

– Документы в порядке, – качнула головой Кира.

– Да ну?

– Их проверил мой юрист.

– Можно спросить, вы для себя покупаете замок?

- Это не ваше дело.

- Безусловно. Но я же для вас стараюсь. Вы завтра договор купли-продажи заключите, а потом узнаете, в чем был подвох.

- И в чем он?

- Вот сразу и на диалог пошли, - хохотнул Арарат. Он снова почувствовал себя хозяином положения и воспрял духом. - Так для себя или нет?

- Я организовала благотворительный фонд. Сюда я собираюсь привозить больных людей для лечения, восстановления после операций, а кого-то для спокойной смерти. То есть будет еще и хоспис.

- Благое дело задумали. И палки в колеса вам вставлять не хотелось бы. Я и не буду. Просто предупрежу. Замок принадлежит Екатерине. И земля, на которой он построен. А остальное - нет. Все, что его окружает, включая хозяйственные постройки, беседки, пруд и так далее, принадлежит моей фирме.

- Быть такого не может, - хохотнула Екатерина. Но очень нервно.

- Дорогая, ты всегда была бестолковой в финансовых и юридических делах. Тебя обманывали все кому не лень. Я этого не делал. Но я подстраховался. И мои специалисты оформили все таким образом, чтобы ты внакладе не была, но и не поимела бы меня.

- Сады мои точно.

- А, это да... Ты же именно на них внимание акцентировала, когда бумаги подписывала. Иметь полтора гектара земли - это прекрасно, но что с ними делать, если насосная станция на чужой территории? Сады останутся без полива и зачахнут.

- Ничего страшного, - сказала Кира Ларионова. - По мне, они слишком великолепны и не вписываются в реалии. Пусть останутся те растения, что выживут в естественной среде.

– А ваши больные как будут выживать? Газ, вода, сики-каки, все на земле, не принадлежащей моей бывшей жене. А я вам ее не продам. И, быть может, использую для дела. Перепелиную ферму построю, например. Да, от нее вонь страшная, зато птички станут нести полезные яйца, а их тушки будут продаваться в дорогих супермаркетах.

– Кира, он блефует, – снова встряла Екатерина. – Грозился испортить мне жизнь, вот из штанов и выпрыгивает, чтобы это сделать.

– Игорь, набей ему морду! – выкрикнула с места подруга хозяйки. Туся вспомнила ее. Певица, что выступала под псевдонимом Светуля. Она, похоже, уже была пьяна.

– Я предлагаю успокоиться и выпить вина, которое я сам сделал, – сказал новый избранник Екатерины. – Его кто-то может принести?

Естественно, за вином отправили официантов. А еще за сыром, тоже привезенным Игорем.

Когда они вернулись, все было довольно мирно. Никто ни на кого не орал, возможно, потому, что отсутствовала хозяйка. Но не только она, еще ее подруга Светуля. Пошла с ней, чтобы поддержать? Скорее всего. Было понятно, что Светуля самая близкая и равнодушная. Вскоре удалился и Игорь. Тоже вслед за Дусей-лапусей отправился или просто пошел отлить? Туся не была подкована в отношениях. У нее, можно сказать, их и не было. Но она считала, что, когда твой избранник расстроен, ты просто обязан быть рядом.

– Ребята, идите поешьте, – услышался голос шеф-повара. Она покинула кухню и подошла к ним.

– Идем? – кивнул Тусе Марк.

– Я бы лучше с собой взяла. Пока не голодная.

– Нам еще часа два тут торчать. Надо поесть. И Женя прекрасный повар, тебе понравятся блюда, ею приготовленные.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/olga-volodarskaya/shepot-gor-kih-trav>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)